Сборникъ статей анархистовъ-индивидуалистовъ.

№ 2.

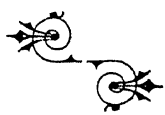

Цѣна **50** коп.

МОСКВА.
1907.

Сборникъ статей

Анархистовъ-Индивидуалистовъ.

МОСКВА.
—
1907.

Н
36

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
214094.

Типографія А. П. Поплавскаго, Москва, Лялинъ пер. соб. домъ.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ.

О. Виконтъ.

Борьба за власть.

„Выборы—не что иное, какъ способъ борьбы за власть. Всякую власть: проявляется ли она въ формѣ абсолютной или конституціонной монархіи, или даже въ республиканскомъ образѣ правленія,— я презираю, ибо власть подавляетъ личность. А потому я предоставляю другимъ выбирать себѣ начальство, я-же останусь свободнымъ индивидомъ".

(Бюллетень, положенный въ урну 28 января 1907 г. во время выборовъ въ Москвѣ избирателемъ по Басманному участку).

Во всей Москвѣ, смѣло можно выразиться: во всей Россіи, нашелся одинъ «избиратель», который сумѣлъ заглянуть въ корень вещей, отбросивъ все постороннее, внѣшнее, мишурное. «Перестаньте лукавить и быть наивными—говоритъ онъ своимъ бюллетенемъ—не обманывайте народа, вѣдь вы боретесь за власть». Въ самомъ дѣлѣ чего хотятъ и добиваются борющіяся партіи?

Начнемъ справа. Монархисты желаютъ, чтобы въ Россіи царила абсолютная монархія, другими словами, самый безпощадный и грубый произволъ; чтобы за чертой городовъ, въ видѣ украшеній, вырисовывались отвратительныя и въ то-же самое время необходимыя принадлежности

печальной русской дѣйствительности—висѣлицы; чтобы военно-полевые суды, составленные изъ членовъ доблестной русской арміи, изливали злобу Ирода на несовершеннолѣтнихъ, малолѣтнихъ и младенцевъ; чтобы всѣ тюрьмы, крѣпости и вонючіе казематы были переполнены доброжелателями и борцами за счастье русскаго народа; чтобы русскіе дворяне — помѣщики, великіе князья, министры и другіе паразиты чиновничьяго режима грабили страну, отнимая, въ родѣ Гурко-Лидваля, послѣдній кусокъ черстваго хлѣба изо рта погибающаго отъ цынги и голода крестьянина; чтобы сами они, монархисты, члены союза истинно-русскихъ людей подъ сѣнью единодержавія, православія и патріотизма, могли совершать свои грязненькія, житейскія дѣлишки и, пользуясь тьмою массъ и ночи, устраивать повсемѣстные погромы интеллигенціи. «Рабскія цѣпи для всего молодого, живого, свѣжаго, безпросвѣтная тьма и невѣжество»—вотъ, что является девизомъ «истинно-русскихъ людей». «Монархисты—это черная туча саранчи, истребляющая на своемъ пути самые примитивные признаки жизни, монархъ—это дьяволъ, вдохновляющій ихъ своимъ сатанинскимъ дыханіемъ на все злое, порочное..!

Вотъ краткое изображеніе того царства ада, къ осуществленію котораго стремится самая крайняя правая партія, носящая на себѣ клеймо черносотенцевъ. Ихъ политическимъ credo является абсолютная монархія. За эту власть они борются.

Но время, то доброе время, когда Россія бы-

ла сжата оковами рабства, невѣжества и оцѣпенѣнія,—прошло.

Въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, они, черные вороны неблагополучія, съ трескомъ проваливаются на вторыхъ выборахъ въ Государственную Думу и ихъ погромныя прокламаціи съ ожесточеніемъ и хохотомъ разрываются населеніемъ на клочья, развѣиваются по воздуху и растаптываются ногами.

Лѣвѣе стоящія отъ монархистовъ партіи также борются за власть. Одни хотятъ ограничить монарха, другіе сдѣлать его подставнымъ болваномъ, третьи—уничтожить его.

Союзу 17-го октября, того октября, отъ манифеста котораго не осталось ни одной строчки, ни одного слова, ни единаго клочка бумаги, важно ограничить монарха. «Довольно средостѣнія— говорятъ они — долой бюрократію. Мы, общественные дѣятели и крупные буржуа, должны встать у власти, непосредственно сноситься съ монархомъ и управлять страной. Тогда, куда какъ, будетъ меньше злоупотребленій и расхищеній, тогда, куда какъ, легче вздохнетъ народъ. Но народъ—невѣжественъ и теменъ, онъ подобенъ ребенку, котораго нужно вести на помочахъ, его слѣдуетъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Иначе низменныя страсти черни могутъ снести тѣ прекрасныя имѣнія и дома, тѣ фабрики и заводы, которыми мы въ настоящее время владѣемъ. А потому пусть остается у власти монархъ, но не абсолютный, а ограниченный, пусть военно-полевые суды разстрѣливаютъ и вѣшаютъ мятежниковъ, пусть всюду царятъ:

военное положеніе, чрезвычайная и усиленная охраны, пока не угаснетъ духъ революціи, а тамъ, когда страна успокоится, монархъ и мы будемъ управлять ею. Капиталъ соединится съ властью, и Россія будетъ не Россія, а золотое дно». И забыли неблагодарные октябристы, что манифестъ свой они получили отъ той самой «черни», которая забастовками обрекла себя на голодную смерть, которая своею кровью и трупами усѣяла путь къ освобожденію всего русскаго народа отъ злого волшебника.

Забыли они и о томъ, что кромѣ революціи за политическую свободу еще бываетъ революція на соціальной почвѣ, и тяжело же будетъ ихъ разочарованіе, когда этотъ невѣжественный народъ, пробудившись отъ вѣкового сна, возстанетъ и возстанетъ не противъ монарха, такъ какъ такового уже не будетъ существовать, а противъ нихъ, и всѣ ихъ роскошныя виллы, дома, фабрики и заводы отниметъ у нихъ и возьметъ себѣ въ собственность. Да, тяжело тогда будетъ ихъ разочарованіе.

Пойдемъ еще лѣвѣе. Передъ нами конституціонно-демократическая партія.

Это партія—также партія борьбы за политическую власть, партія интеллигенціи.

Здѣсь собрались почти всѣ лучшіе люди, здоровые и обогащенные знаніями умы.

Они также стремятся къ власти. Они желаютъ парламентарной конституціи.

«Пусть монархъ остается монархомъ—они это не говорятъ, но такъ думаютъ.—Мы одѣнемъ мо-

нарха въ мантіи, брилліанты и жемчуги; чѣмъ больше мы изукрасимъ его, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ походить на куклу, какъ король англійскій, мы же будемъ управлять страной. Парламентъ будетъ нашъ, министры—наши». Итакъ, опять борьба за власть. Только тутъ уже не ограниченіе власти монарха, а скорѣе отстраненіе монарха отъ власти. И въ этомъ пошли Аллахъ имъ успѣхъ! Гораздо легче подчиняться ученому, просвѣщенному человѣку, чѣмъ ползать на колѣняхъ передъ невѣжественнымъ и грубымъ солдатомъ.

И Москва, да и большая часть русскаго населенія, поняла это. Въ Государственную Думу пойдутъ люди чистаго сердца и здороваго ума. Тамъ имъ и мѣсто. Пусть разгонятъ ихъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они снова соберутся и завершатъ метаморфозу царя-солдата въ царя-куклу (по существу, конечно, разница не велика).

Но вотъ на сцену выплываютъ соціалистическія партіи: соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры. И здѣсь ничто иное, какъ борьба изъ за власти. «Долой монарха, долой конституцію, да здравствуетъ демократическая республика!» провозглашаютъ они. Другими словами они хотятъ отобрать власть, даже всякій намекъ на власть у монарха, сбросить съ пьедестала этого вѣкового идола и на его мѣсто поставить самодержавный народъ. Только избранники отъ всего народа могутъ управлять страной. Правда, соціалъ-демократы уже теперь выставляютъ кандидатуру своихъ членовъ въ Государственную Думу

и, думается намъ, они, какъ германскіе ихъ коллеги, впослѣдствіи войдутъ въ русскій парламентъ и будутъ принимать дѣятельное участіе въ органической работѣ Государственной Думы, «которую раньше они отрицали и бойкотировали», несмотря на то, что русская конституція еще менѣе парламентарна, чѣмъ германская.

Но такое отступленіе отъ намѣченной ими цѣли, такой компромиссъ является лишь необходимымъ слѣдствіемъ неподготовленности массъ, конечною же цѣлью ихъ желаній является борьба за власть, за диктатуру народную.

Итакъ, мы видимъ, что въ конечномъ счетѣ всѣ партіи стремятся къ захвату власти для себя. И законнымъ средствомъ этой борьбы являются выборы во второй русскій парламентъ.

И удивительнѣе всего то, что люди безсознательно дѣйствуютъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что собственно они дѣлаютъ. Такое состояніе человѣка философъ Минто называетъ «заблужденіемъ подъ вліяніемъ удовольствія, получаемаго отъ дѣятельности».

Люди организуются въ партіи, устраиваютъ предвыборныя собранія, словесные турниры, рукоплещутъ, освистываютъ, возводятъ клевету или чрезмѣрно восхваляютъ, составляютъ прокламаціи, пишутъ бюллетени, бросаютъ ихъ въ урны, подсчитываютъ голоса. Словомъ суетни и дѣлъ, какъ у обезьяны съ чурбаномъ.

Ошеломленные своею дѣятельностью, они не вѣдаютъ, что творятъ. И, между тѣмъ, всѣ они—

Макбеты въ погонѣ за престоломъ. Всѣ они — преступники.

Вѣдь что такое власть, правительство, государство, къ захвату которыхъ они стремятся? Государство это — вампиръ, высасывающій послѣднюю кровь народную; правительство—болѣзненный волдырь, выросшій на здоровомъ организмѣ человѣчества. Для существованія государства, для содержанія правительства истребляется масса народныхъ средствъ и совершенно непродуктивно. Сколько необходимо затратить труда и денегъ на содержаніе всей своры чиновниковъ при монархѣ, всей такъ называемой бюрократической машины, всего «миролюбиваго воинства»! И какова цѣль сохраненія всего этого хлама? Чиновники и бюрократія необходимы для того, чтобы грабить народъ, сдирать съ него вторую шкуру; войска нужны для истребленія человѣчества. Вѣдь что, напримѣръ, наше, да и всякое другое, правительство можетъ совершить, кромѣ злоупотребленій?

Правители прежде всего имѣютъ въ виду самихъ себя и только самихъ себя. О народѣ заботятся они лишь постольку, поскольку имъ это выгодно. Попробуйте защищать свои интересы противъ правительства. Каково-бы это правительство ни было, оно сейчасъ-же постарается расправиться съ вами по-своему: или посадитъ васъ въ казематъ, или повѣситъ васъ, если вы сами не догадаетесь покинуть свое милое «отечество». Словомъ, выжимая изъ васъ въ видѣ налоговъ послѣднюю копейку, правительство васъ-же въ лучшемъ случаѣ едва лишь

терпитъ и является для васъ, мирныхъ жителей, такимъ-же спасительнымъ средствомъ, какъ булыжникъ для утопающаго. Итакъ, пусть правительство живетъ для себя, а я—для себя.

Но правительство, государство этимъ не довольствуются. Государство говоритъ: я буду жить для себя, а ты живи для меня... И этимъ подчеркивается излишняя роскошь существованія государства, правительства.

Впервые правительство было призвано для того, чтобы защищать народъ отъ внѣшнихъ враговъ и привести въ порядокъ страну. А между тѣмъ, мы видимъ, что оно само разоряетъ страну и среди гражданъ наводитъ такое спокойствіе и порядокъ, какіе развѣ только можно уподобить столпотворенію вавилонскому. Стоитъ-ли приводить примѣры? Все, что дѣлается у насъ, хотя-бы въ Россіи, является, кажется, яркимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго.

Государство ограничиваетъ территорію, ограничиваетъ и личность человѣка.

Оно стираетъ съ лица земли человѣка - космополита и ставитъ на его мѣсто «гражданина». И въ то-же самое время оно отшлифовываетъ индивидуальности.

Я уже не—я, не человѣкъ, а гражданинъ. Я—членъ «великой семьи», государства, у меня—свой владыка,—правительство.

Я уже не могу подчиняться своимъ желаніямъ, мыслямъ: мои желанія, мои мысли—желанія и мысли моего владыки, правительства. И такъ далѣе... Словомъ личность, моя индиви-

дуальность превращается усиліемъ моего правительства въ то нѣчто кислое, безформенное, напоминающее тряпичку, которою вытирали пыль, во что превратилась душа Ивана Ивановича послѣ оперированія надъ нимъ горьковскаго чорта.

Люди думаютъ, что безъ правительства не будетъ и свѣтъ стоять. Въ родѣ того, какъ русскій обыватель шагу не можетъ сдѣлать безъ городового, этого блюстителя общественной тишины и спокойствія. И между тѣмъ мы видѣли безпримѣрный порядокъ стотысячной толпы при похоронахъ Баумана. Тогда русскіе фараоны, городовые, какъ въ воду канули. Охранники-же явились только для того, чтобы разстрѣлять мирно возвращающихся съ кладбища обывателей. Тогда какъ одна только Ходынка дала пять тысячъ труповъ. А правительственная авантюра въ Манджуріи отняла отъ матерей, женъ и дѣтей нѣсколько сотъ тысячъ кормильцевъ, отъ земли—полмилліона сильныхъ рукъ, отъ народа—цвѣтъ молодежи...

Если власть—зло, если ты долженъ пойти, когда представитель власти тебѣ скажетъ: «иди и убей своего брата», то не правъ-ли былъ избиратель Басманнаго участка, положивъ свой бюллетень...

«Грызитесь сколько хотите изъ-за власти. Я знаю, что власть—зло, и потому я отрицаю и презираю ее. Я родился свободнымъ, и никто не можетъ стоять надо мною. Я самъ себѣ—владыка».

Мы—анархисты-индивидуалисты — также боремся за власть, но за власть надъ самимъ собою. Мы не желаемъ устанавливать власти надъ другими.

Только бѣдные духомъ люди нуждаются въ томъ, чтобы ими управляли другіе. Только они за недостаточно развитой индивидуальностью чувствуютъ потребность во внѣшнихъ формахъ, подавляющихъ ихъ личность. И вотъ люди мельчаютъ въ постоянныхъ житейскихъ дрязгахъ у семейнаго очага; скованные государствомъ они гибнутъ въ политическихъ интригахъ и въ борьбѣ за власть надъ своими братьями; они неистовствуютъ за свою вѣру въ Бога...

Все это, ненужное внѣшнее, сотворенное не природою, а выдуманное самими людьми, только ожесточаетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ несчастными, слабыми, безличными.

Не въ борьбѣ за власть, а въ борьбѣ противъ всѣхъ этихъ предразсудковъ, противъ всего внѣшняго, мишурнаго, противъ всего, что подавляетъ личность,—видитъ задачу своего существованія, свое призваніе анархическій индивидуализмъ.

Широкимъ полетомъ своихъ идеаловъ онъ смахнетъ съ людей затхлость, униженность и властолюбіе и на мѣсто несчастнаго, разбитаго и загнаннаго человѣка поставитъ свободнаго, самобытнаго, сильнаго и гордаго индивида.

Парижъ, 1 февраля 1907 г.

О. Виконтъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д. Г. Макэй.

АТЕИЗМЪ.

Пер. Н. Бронскій.

Когда-нибудь, вступая съ жизнью въ битву,
За мною смерть незванная придетъ,
Тогда уста начнутъ шептать молитву,
Какой разсудокъ мой не признаетъ.

* * *

Виной тому—предсмертное страданье,
Что ложью ужасъ я хочу убить,
И я готовъ всю истину и знанье
Безумiемъ и мракомъ замѣнить.

* * *

То—побѣжденъ мой духъ, сломилась воля,
Разсудка нѣтъ, но если въ силахъ я,
Не дамъ я разуму попасть въ неволю,
И сердцу громко скажетъ мысль моя:

* * *

„Не вѣрю въ бога я, что въ небѣ обитаетъ,
Невѣжды иль лжецы имъ наградили насъ.
Пусть я умру, но разумъ мнѣ вѣщаетъ,
Что правда лишь одна: живемъ мы только разъ".

Д. Г. Макэй.

СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ.

Пер. Н. Бронскій.

Любовь свободна! Цѣпи пусть не свяжутъ
Тѣхъ рукъ, которыя связала страсть,
Хоть, можетъ быть, хулители вамъ скажутъ:
«Любовь слѣпа, ея презрѣнна власть».

* * *

Пускай свободно женщина къ мужчинѣ,
Мужчина къ женщинѣ любя идетъ.
Любовь вольна, какъ вѣтеръ на вершинѣ
Горы свободно вѣетъ и поетъ.

* * *

Вы, стражи нравовъ, страсти проявленья
Изъ зависти дерзнули порицать.
О, жалкіе! такого наслажденья
Вамъ никогда не знать и не понять.

* * *

Подите прочь, поборники насилья!
Природа мощная проснулась въ насъ;
Сотрутъ во прахъ природы этой крылья
Законы, нравы, вашу мощь и васъ!

Д. Г. Макэй.

ОТЕЧЕСТВО.

Пер. Лучъ.

Не тамъ, гдѣ создалась случайная граница,
Должна моя любовь иль вспыхнуть, или умереть.
Нѣтъ, я хочу съ высотъ свободныхъ
Всѣ страны свѣта оглядѣть.

Лишь тамъ хочу я жить, гдѣ царствуетъ
свобода,
И гдѣ людей увижу я дѣйствительно людьми,
Тамъ буду я. Но не могу прилипнуть
Всю жизнь свою къ какому-то клочку земли.

Не малолѣтній я! И если нагло станетъ
Европа изгонять своихъ свободныхъ сыновей,
Тогда воскликну смѣло: Я—пѣвецъ свободы,
И не нуждаюсь въ родинѣ своей.

Д. Г. Макэй.

Отношеніе государства къ личности.

(*Пер. Ч.*).

В. Тэкеръ.

Отношеніе государства къ личности.

(Рѣчь, прочитанная въ Институтѣ пасторовъ-унитаріевъ 14-го октября 1890 г.).

Милостивыя государыни и милостивые государи! По всей вѣроятности, честь, которой вы меня удостоили, предложивъ прочесть объ «отношеніи государства къ личности», объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что обстоятельства до нѣкоторой степени навязали мнѣ роль защитника современнаго анархизма, — теоріи, которая все больше пріобрѣтаетъ значеніе базиса политической и общественной жизни. Отъ имени этой теоріи я и буду обсуждать затронутый вопросъ, близко соприкасающійся почти со всѣми практическими вопросами, интересующими наше поколѣніе. Будущее тарифа, налоговъ, финансовъ, собственности, женщины, брака, семьи, избирательнаго права, народнаго образованія, изобрѣтеній, литературы, искусства, личныхъ привычекъ, особенностей характера, нравственности, религіи, — все это опредѣляется выводомъ, къ какому человѣчество прійдетъ по кардинальному вопросу: обязанъ ли и въ какой мѣрѣ обязанъ индивидъ повиновеніемъ государству.

Приступая къ этому вопросу, анархизмъ считаетъ необходимымъ прежде всего дать точныя опредѣленія терминамъ. Популярное представленіе о по-

литической терминологіи не соотвѣтствуетъ строгой точности, необходимой въ научныхъ изысканіяхъ. Конечно, отказаться отъ популярнаго языка значитъ рисковать быть непонятымъ массой, упорно не желающей знать новыхъ опредѣленій; но съ другой стороны пользованіе популярной терминологіей создаетъ еще большую опасность — быть непонятымъ компетентными лицами, которыя вправѣ будутъ заподозрѣть неясность мысли тамъ, гдѣ въ дѣйствительности будетъ лишь неточность выраженія. Возьмемъ для примѣра терминъ «государство». Это слово у всѣхъ на устахъ. Но многіе ли изъ тѣхъ, кто имъ пользуется, сознаютъ, что оно обозначаетъ? А въ средѣ этихъ немногихъ какое разнообразіе мнѣній! Мы обозначаемъ словомъ «государство» учрежденія, воплощающія въ себѣ самый крайній абсолютизмъ, и учрежденія, смягчающія его большей или меньшей дозой либерализма. Мы прилагаемъ это слово и къ учрежденіямъ, которыя только нападаютъ, и къ такимъ агрессивнымъ учрежденіямъ, которыя до нѣкоторой степени также покровительствуютъ и защищаютъ. Но въ чемъ сущность государства, въ нападеніи или въ защитѣ, повидимому, мало кто знаетъ или желаетъ знать. Нѣкоторые защитники государства очевидно считаютъ нападеніе его главной сущностью, хотя они и скрываютъ ее отъ себя и другихъ словомъ «управленіе», которое они хотѣли бы, въ мѣру возможности, распространить рѣшительно на все. Другіе, напротивъ, считаютъ главной его сущностью за-

щиту и желаютъ ограничить его функціи полицейскими обязанностями. Третьи, наконецъ, думаютъ, что оно существуетъ и для нападенія, и для защиты, скомбинированныхъ соотвѣтственно потребностямъ момента или капризу тѣхъ, кто въ данное время имъ управляетъ. Сталкиваясь со столь различными взглядами, анархисты, призванные въ міръ для упраздненія нападенія и всѣхъ золъ, изъ него вытекающихъ, приходятъ къ выводу, что ихъ поймутъ лишь въ томъ случаѣ, если они придадутъ опредѣленный и общепризнанный смыслъ терминамъ, которыми приходится пользоваться, особенно словамъ «государство» и «правительство». Отыскивая элементы, общіе всѣмъ учрежденіямъ, къ которымъ прилагается названіе государства, они нашли слѣдующее: во-первыхъ, нападеніе; во-вторыхъ, присвоеніе исключительной власти надъ данной территоріей и въ ея предѣлахъ, обыкновенно осуществляемой съ двоякой цѣлью—наиболѣе полнаго угнетенія подданныхъ и расширенія границъ. Что этотъ второй элементъ присущъ всѣмъ государствамъ, я думаю, никто не станетъ отрицать—мнѣ по крайней мѣрѣ неизвѣстны случаи, чтобы какое-либо государство когда-либо терпѣло въ своихъ предѣлахъ соперничающее государство; очевидно, такое государство, которое-бы это терпѣло, само перестало-бы быть государствомъ, да и другими не признавалось-бы за таковое. Осуществленіе власти надъ одной и той-же территоріей двумя государствами есть противорѣчіе. Но можетъ быть не

всѣ согласятся, что первый элементъ, нападеніе, былъ и есть присущъ всѣмъ государствамъ. Тѣмъ не менѣе я не буду пытаться подкрѣплять мнѣніе Спенсера, все больше находящаго себѣ сторонниковъ,—именно, что государство родилось изъ нападенія и со дня рожденія своего было агрессивнымъ учрежденіемъ. Защита появилась впослѣдствіи, подъ вліяніемъ необходимости; и принятіе государствомъ на себя этой функціи, несомнѣнно предпринятой съ цѣлью усиленія государства, въ дѣйствительности и по существу было началомъ его разрушенія. Возрастающее значеніе этой функціи лишь свидѣтельствуетъ о назрѣвающемъ стремленіи къ упраздненію государства. Поэтому анархисты утверждаютъ, что не защита является существеннымъ признакомъ государства, а нападеніе, посягательство. Но что такое нападеніе? Это просто другое названіе управленія. Нападеніе, захватъ, управленіе—все это однозначащіе термины. Сущность управленія заключается въ контролѣ, въ руководствѣ, или въ покушеніи на контроль. Тотъ, кто пытается контролировать другого, есть правитель, нападающій, захватчикъ. Природа такого нападенія отнюдь не измѣняется, будетъ-ли оно произведено однимъ человѣкомъ на другого въ стилѣ обыкновеннаго преступленія, или-же однимъ человѣкомъ на всѣхъ другихъ людей, по способу абсолютной монархіи, или всѣми людьми на одного, по способу современной демократіи. Съ другой стороны тотъ, кто сопротивляется покушеніямъ другого руководить

имъ, не есть ни нападающій, ни захватчикъ, ни правитель, а есть защитникъ, стражъ, покровитель. Внутренній характеръ такого сопротивленія остается неизмѣннымъ, будетъ-ли оно оказано однимъ человѣкомъ другому человѣку, на подобіе самозащиты отъ преступника; или-же однимъ человѣкомъ всѣмъ другимъ людямъ, когда онъ отказывается повиноваться деспотизму закона; или-же всѣми людьми одному человѣку, когда народъ возстаетъ противъ деспота, либо члены общины добровольно соединяются, чтобы отразить преступника. Это различіе между нападеніемъ и сопротивленіемъ, между правленіемъ и защитой представляетъ первостепенную важность. Безъ него не можетъ быть построена правильная философія политики. На этомъ различіи и другихъ вышесказанныхъ соображеніяхъ анархисты и строятъ необходимыя опредѣленія. Вотъ, напримѣръ, анархистическое опредѣленіе правленія: подчиненіе не нападающаго индивида внѣшней волѣ. А вотъ анархистическое опредѣленіе государства: воплощеніе принципа нападенія въ одной личности или бандѣ людей, дерзающихъ дѣйствовать въ качествѣ представителей или господъ всего народа, живущаго на данной территоріи. Что касается слова «индивидъ» или «личность», то оно, я думаю, не представляетъ затрудненій. Оставляя въ сторонѣ тонкости, въ которыя ударились нѣкоторые метафизики, этимъ словомъ можно смѣло пользоваться безъ риска быть непонятымъ. Получатъ-ли эти термины общее признаніе или нѣтъ, не

такъ ужъ важно. Я думаю, они въ достаточной мѣрѣ научны и способствуютъ ясному изложенію мыслей. Давъ имъ надлежащее объясненіе, анархисты вправѣ пользоваться ими для развитія своихъ идей.

Итакъ, возвратимся къ вопросу: какія отношенія должны существовать между индивидомъ и государствомъ? Обыкновенно онъ разрѣшается при помощи какой-нибудь этической теоріи, оперирующей понятіемъ нравственнаго долга. Но анархисты не питаютъ довѣрія къ такому методу. Они совершенно не признаютъ идеи нравственнаго долга, прирожденныхъ правъ и обязанностей. Всѣ обязанности они считаютъ не моральными, а соціальными, да и то признаютъ ихъ обязательность лишь въ томъ случаѣ, если онѣ приняты на себя человѣкомъ вполнѣ добровольно и сознательно. Если человѣкъ входитъ въ соглашеніе съ нѣсколькими людьми, то они вправѣ соединенными силами заставить его выполнить условленное; но помимо такихъ соглашеній ни одинъ человѣкъ, насколько анархистамъ извѣстно, не заключалъ еще договоровъ съ богомъ, или какой-бы то ни было другой силой. Анархисты не только утилитаристы, но и эгоисты въ наиболѣе полномъ и крайнемъ значеніи этого слова. Единственной мѣрой прирожденнаго права, по ихъ мнѣнію, является только сила. Всякій человѣкъ, называется-ли онъ Биллемъ Сайксомъ или Александромъ Романовымъ, и всякая группа людей, будутъ-ли это китайскіе головорѣзы или конгрессъ Соединенныхъ Шта-

товъ,—имѣютъ право, если въ ихъ рукахъ сила, убивать или принуждать другихъ людей, или подчинить весь міръ своимъ цѣлямъ. Право общества на порабощеніе индивида и право индивида на порабощеніе общества неравны между собою только потому, что ихъ силы неодинаковы. Такъ какъ это положеніе противорѣчитъ всякой системѣ религіи и морали, то, я, конечно, не ожидаю встрѣтить немедленнаго одобренія слушателей; равнымъ образомъ я не имѣю времени заняться тщательнымъ, или хотя бы суммарнымъ изслѣдованіемъ основъ этики. Кто желаетъ ближе познакомиться со взглядами анархизма на этотъ предметъ, можетъ прочесть глубокій трудъ *Штирнера* «Единственный и его достояніе».

Итакъ, анархисты вопросъ права считаютъ исключительно вопросомъ силы. Къ счастью, здѣсь дѣло идетъ не о правѣ; разсматриваемая нами проблема—вопросъ цѣлесообразности, знанія, науки—науки общежитія, науки объ обществѣ. Исторія человѣчества въ главныхъ чертахъ представляла собой длительный процессъ постепеннаго раскрытія того обстоятельства, что индивидъ выигрываетъ въ обществѣ ровно постольку, поскольку оно свободно, и того закона, что необходимымъ условіемъ долговѣчной и гармонической общественной организаціи является величайшая индивидуальная свобода, въ равной мѣрѣ принадлежащая всѣмъ. Въ каждомъ поколѣніи человѣкъ все съ большимъ сознаніемъ и убѣжденностью говорилъ себѣ: «Мой сосѣдъ не врагъ мнѣ, а другъ, и я ему буду другомъ, если

мы оба признаемъ этотъ фактъ. Мы помогаемъ другъ другу въ устройствѣ лучшей, болѣе полной и счастливой жизни; цѣнность этихъ взаимныхъ услугъ удесятерилась-бы, если-бы мы перестали притѣснять, ограничивать и угнетать другъ друга. Почему бы намъ не условиться предоставить каждому жить на свой ладъ, но такъ, чтобы никто изъ насъ не переступалъ границъ чужой индивидуальности?» Путемъ такихъ разсужденій человѣчество приближается къ истинному общественному договору, который отнюдь не былъ началомъ общества, какъ полагалъ Руссо, но только лишь явится результатомъ долгаго соціальнаго опыта, плодомъ его безумій и бѣдствій. Очевидно, такой договоръ, такой соціальный законъ въ своемъ наиболѣе полномъ развитіи исключаетъ всякое нападеніе, всякое нарушеніе равенства свободы, всякій захватъ. Разсматривая этотъ договоръ параллельно съ анархистическимъ опредѣленіемъ государства, какъ воплощенія захватнаго начала, мы видимъ, что государство враждебно обществу; а такъ какъ общество является существеннымъ элементомъ индивидуальной жизни и развитія, то очевидно, что отношеніе государства къ личности и личности къ государству должно носить характеръ вражды, которая прекратится лишь съ исчезновеніемъ государства.

Но анархистовъ могутъ спросить: «А какъ-же быть съ тѣми лицами, которыя несомнѣнно будутъ нарушать соціальный законъ, нападая на своихъ сосѣдей?» На это анархисты отвѣчаютъ,

что упраздненіе государства не мѣшаетъ существованію оборонительнаго союза, построеннаго не на принужденіи, а на добровольномъ соглашеніи, который и будетъ держать насильниковъ въ границахъ всѣми необходимыми мѣрами. «Но вѣдь это то, что мы имѣемъ сейчасъ»; могутъ мнѣ возразить, «вамъ важно, значитъ, перемѣнить названіе»? Нѣтъ, это не то. Можно-ли съ чистой совѣстью утверждать, что государство, даже въ той формѣ, въ какой оно существуетъ въ Америкѣ, есть чисто оборонительное учрежденіе? Нѣтъ, скажетъ всякій, кромѣ тѣхъ, кто видитъ въ государствѣ лишь самое осязательное его проявленіе—городового на перекресткѣ. Дѣйствительно, стоитъ лишь присмотрѣться къ государству поближе, чтобы убѣдиться въ ошибочности упомянутаго утвержденія. Самый первый актъ государства, принудительное обложеніе и взиманіе податей, уже является нападеніемъ, нарушеніемъ равенства свободы, и отравляетъ собою всѣ послѣдующіе его акты; даже тѣ акты, которые были бы чисто оборонительными, если-бы оплачивались изъ казначейства, пополняемаго добровольными приношеніями. Можно-ли, напримѣръ, оправдать по закону равной свободы конфискацію у человѣка денегъ въ уплату за покровительство, котораго онъ не искалъ и не желаетъ? И если это самоуправство, то какъ назвать такую конфискацію, когда жертвѣ ея дается вмѣсто хлѣба камень, и вмѣсто защиты притѣсненіе? Заставлять человѣка платить за нарушеніе его-же свободы поистинѣ значитъ прибавлять оскор-

бленіе къ насилію. Но именно это и дѣлаетъ государство. Прочтите «Архивы конгрессовъ», прослѣдите протоколы законодательныхъ собраній; просмотрите сборники статутовъ; подвергните каждый актъ критерію закона равной свободы,— и вы увидите, что добрыя девять десятыхъ существующаго законодательства направлены не къ укрѣпленію основного соціальнаго закона, но либо къ руководительству личными вкусами индивида, либо, что еще хуже, къ созданію и поддержкѣ торговыхъ, промышленныхъ, финансовыхъ и владѣльческихъ монополій, лишающихъ труженика значительной части вознагражденія, которое онъ получалъ-бы на совершенно свободномъ рынкѣ. «Быть управляемымъ, говоритъ Прудонъ, значитъ быть выслѣживаемымъ, находиться подъ наблюденіемъ, надзоромъ, руководствомъ, подъ гнетомъ закона, подвергаться поученіямъ, вышколиванію, проповѣдямъ, вмѣшательству, одобренію, порицанію, приказамъ лицъ, не имѣющихъ на это полномочій, не обладающихъ ни надлежащими знаніями, ни добродѣтелью. Быть управляемымъ значитъ терпѣть, чтобы каждое ваше дѣйствіе, движеніе, сдѣлка отмѣчалась, заносилась въ реестръ, учитывалась, оцѣнивалась, измѣрялась, исчислялась, облагалась, разрѣшалась, отклонялась, получала соизволеніе, подвергалась исправленію, передѣлкѣ и т. д. Быть управляемымъ значитъ подъ предлогомъ общей пользы и интересовъ общества, быть вынужденнымъ платить дань, терпѣть вымогательства, эксплуатацію, монополіи, надувательства, грабежъ; а при ма-

лѣйшемъ сопротивленіи, при первой попыткѣ жаловаться подвергнуться притѣсненіямъ, штрафу, униженію, издѣвательствамъ, преслѣдованію; васъ поволокутъ, побьютъ, обезоружатъ, свяжутъ, бросятъ въ тюрьму, разстрѣляютъ, предадутъ суду, осудятъ, сошлютъ, замучатъ, продадутъ, обманутъ и въ довершеніе всего насмѣются, надругаются, опозорятъ». Я думаю, мнѣ нѣтъ надобности поименовать вамъ существующіе законы, въ точности соотвѣтствующіе и подтверждающіе почти каждый пунктъ длиннаго обвинительнаго акта Прудона. Кто станетъ теперь утверждать, что существующій политическій строй носитъ чисто оборонительный характеръ, а не является агрессивнымъ государствомъ, которое анархисты желаютъ упразднить.!

Возникаетъ другое соображеніе, имѣющее прямое касательство къ агрессивному индивиду, котораго такъ боятся противники анархизма. Не описанное-ли нами выше обращеніе главнымъ образомъ и повинно въ существованіи такихъ индивидовъ. Не помню, гдѣ я прочелъ однажды такую надпись, сочиненную для нѣкотораго благотворительнаго учрежденія:

«Благочестивый мужъ воздвигнулъ сей пріютъ,
Надѣлавъ бѣдняковъ, что нынѣ въ немъ живутъ».

Такая надпись, мнѣ кажется, вполнѣ приличествовала-бы нашимъ тюрьмамъ. Онѣ наполнены преступниками, которыхъ создало наше добродѣтельное государство своими несправедливыми законами, жестокими монополіями и ужасными соціальными условіями, изъ нихъ вытекающими.

Мы издаемъ много законовъ, фабрикующихъ преступниковъ, и затѣмъ нѣсколько такихъ, которые ихъ наказываютъ. Можно-ли надѣяться, что новыя соціальныя условія, которыя должны послѣдовать за упраздненіемъ всякаго вмѣшательства въ производство и распредѣленіе богатства, въ концѣ концовъ настолько измѣнятъ привычки и склонности людей, что наши тюрьмы и участки, городовые и солдаты—словомъ, весь механизмъ и снаряженіе защиты станетъ совершенно излишнимъ? Анархисты, по крайней мѣрѣ, твердо въ этомъ увѣрены. Эта вѣра отдаетъ утопіей, но въ сущности она покоится на строго экономическихъ данныхъ. Я не располагаю временемъ, чтобы изложить вамъ взглядъ анархистовъ на зависимость ростовщичества, а слѣдовательно и нищеты отъ монопольныхъ привилегій, особенно же банковой привилегіи; и показать, какимъ образомъ интеллигентное меньшинство, воспитанное въ духѣ анархизма и рѣшившееся осуществлять то право игнорированія государства, которое такъ блестяще отстаиваетъ Спенсеръ въ своей «Соціальной статикѣ», могло бы, плюнувъ на всѣ національныя и государственныя банковыя запрещенія, учредить взаимный банкъ для конкуренціи съ существующими монополіями. Это былъ-бы первый и самый важный шагъ къ упраздненію ростовщичества и государства, и, какъ онъ ни простъ, послѣдствія его были-бы неисчислимы.

Я долженъ извиниться за краткость высказанныхъ мною соображеній, изъ которыхъ каж-

дое могло бы быть развито въ цѣлый трактатъ. Но если мнѣ удалось дать вамъ представленіе о взглядахъ анархистовъ на отношеніе государства къ индивиду, то я могу считать свою задачу исполненной. Но мнѣ желательно было-бы глубже запечатлѣть въ вашихъ умахъ идею истиннаго общественнаго договора, и потому я позволю себѣ сдѣлать еще одну выдержку изъ Прудона, которому я обязанъ большей частью того, что мнѣ извѣстно по затронутому вопросу. Сопоставляя власть со свободнымъ договоромъ, онъ говоритъ въ своей «Общей идеѣ революціи въ девятнадцатомъ вѣкѣ»:

«О дистанціи, раздѣляющей эти два режима, мы можемъ судить по различію въ ихъ стиляхъ.

«Однимъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ въ развитіи начала власти является обнародованіе десяти заповѣдей. Голосъ ангела повелѣваетъ народу, распростертому во прахѣ, у подножія Синая:.

«Ты долженъ поклоняться Предвѣчному и только Предвѣчному.

«Ты долженъ клясться только Его именемъ.

«Ты долженъ соблюдать Его праздники и платить Ему десятину.

«Чти отца своего и мать свою.

«Не убій.

«Не укради.

«Не прелюбы сотвори.

«Не послушествуй свидѣтельства ложна.

«Не будь завистливъ и не клевещи.

«Ибо Предвѣчный такъ повелѣваетъ, а Пред-

вѣчный создалъ тебя тѣмъ, что ты есть. Одинъ Предвѣчный царствуетъ, только Онъ мудръ, только Онъ достоинъ; Предвѣчный караетъ и награждаетъ. По своей волѣ Онъ можетъ тебя сдѣлать несчастнымъ или счастливымъ.

«Всѣ законодательства усвоили этотъ стиль; всѣ они, обращаясь къ человѣку, употребляютъ верховную формулу. Еврейскій языкъ повелѣваетъ въ будущемъ времени, латинскій въ повелительномъ, греческій въ неопредѣленномъ наклоненіи. У современныхъ народовъ дѣло обстоитъ не иначе. Трибуна парламента—это Синай, столь же непогрѣшимый и грозный, какъ и Моисеевъ; каковъ-бы ни былъ законъ, изъ чьихъ-бы устъ онъ ни исходилъ, онъ священенъ, разъ онъ провозглашенъ той пророческой трубой, которою у насъ является большинство.

«Ты не долженъ собираться.

«Ты не долженъ печатать.

«Ты не долженъ читать.

«Ты долженъ почитать твоихъ представителей и чиновниковъ, которыхъ случайность выборовъ или благоусмотрѣніе государства дали тебѣ.

«Ты долженъ повиноваться законамъ, которые имъ въ своей мудрости угодно будетъ издать.

«Плати налоги неукоснительно.

«И возлюби правительство, твоего Господа Бога, всѣмъ сердцемъ твоимъ и всѣмъ умомъ твоимъ, ибо правительство лучше тебя знаетъ кто ты таковъ, чего ты стоишь, что для тебя

благо; ибо оно имѣетъ возможность наказывать тѣхъ, кто не повинуется его приказамъ, равно какъ и награждать до четвертаго поколѣнія тѣхъ, кто ему угождаетъ.

«Съ революціей дѣло обстоитъ совершенно иначе.

«Изысканіе первыхъ и конечныхъ причинъ устраняется какъ изъ экономики, такъ и изъ естественныхъ наукъ.

«Въ философіи идея Прогресса смѣняетъ идею Абсолюта.

«Революція смѣняетъ откровеніе.

«Разумъ съ помощью опыта раскрываетъ человѣку законы природы и общества; затѣмъ онъ говоритъ ему:

«Эти законы—законы самой необходимости. Человѣкъ ихъ не создалъ; человѣкъ ихъ не навязываетъ тебѣ. Они были открыты постепенно, и я существую лишь затѣмъ, чтобы свидѣтельствовать о ихъ существованіи.

«Если ты ихъ будешь соблюдать, ты будешь справедливъ и добръ.

«Если ты ихъ нарушишь, ты будешь несправедливъ и пороченъ.

«Другихъ основаній я не могу тебѣ указать.

«Среди твоихъ товарищей нѣкоторые уже признали, что при справедливости всѣмъ и каждому лучше, чѣмъ при несправедливости; и они уговорились между собой взаимно соблюдать и почитать правила сдѣлки, диктуемой имъ природою вещей, и которая одна только и можетъ

обезпечить имъ благополучіе, миръ и безопасность въ самой полной мѣрѣ.

«Желаешь-ли ты примкнуть къ ихъ соглашенію, составить часть ихъ общества?

«Обѣщаешь-ли ты уважать честь, свободу и имущество твоихъ братьевъ?

«Обѣщаешь-ли ты никогда не присваивать ни насиліемъ, ни обманомъ, ни ростовщичествомъ, ни путемъ спекуляціи продукта или собственности ближняго?

«Обѣщаешь-ли ты никогда не лгать и не обманывать, ни въ судѣ, ни въ дѣлахъ, ни въ другихъ сношеніяхъ съ людьми?

„Ты воленъ принять эти условія или отказаться.

„Если ты откажешься, ты станешь частью общества дикарей. Лишенный общенія съ человѣчествомъ, ты станешь предметомъ подозрѣнія. Никто тебя не защититъ. При малѣйшемъ оскорбленіи первый попавшійся сможетъ поднять на тебя свою руку и будетъ обвиненъ самое большее что въ жестокости, безъ нужды учиненной надъ животнымъ.

„Напротивъ, если ты примкнешь къ договору, ты станешь частью общества свободныхъ людей. Всѣ твои братья войдутъ съ тобой въ соглашеніе, обѣщаютъ тебѣ вѣрность, дружбу, помощь, услугу, взаимность. Въ случаѣ правонарушенія съ той или другой стороны, учиненнаго по небрежности, подъ вліяніемъ страсти или злобы, вы отвѣчаете другъ передъ другомъ, какъ за вредъ, такъ и за безчестіе, или рискъ, причиненный

вашимъ поступкомъ; эта отвѣтственность можетъ доходить, смотря по тяжести проступка или его частотѣ, вплоть до изгнанія и смертной казни.

„Законъ ясенъ, санкція еще яснѣе. Три статьи, сливающіяся въ одну—вотъ и весь общественный договоръ. Вмѣсто того, чтобы клясться богу и его князю, гражданинъ ручается своей совѣстью передъ своими братьями и передъ человѣчествомъ. Между этими двумя клятвами такая же разница, какъ между рабствомъ и свободой, вѣрой и наукой, судами и справедливостью, ростовщичествомъ и трудомъ, управленіемъ и домоводствомъ, небытіемъ и бытіемъ, богомъ и человѣкомъ“.

В. Тэкеръ.

ЧИКАГО.

(*Пер. Гидъ*).

Стих. Д. Г. Макэя.

Чикаго.

I. Передъ казнью.

(Обреченнымъ на смерть).

Черезъ горы, лѣса... изъ-за дальнихъ морей
Шлютъ вамъ, братья, горячій привѣтъ
Всѣ, кто стонетъ и плачетъ подъ гнетомъ цѣпей,
Кто живетъ въ нищетѣ съ дѣтскихъ лѣтъ.

Чтобъ въ груди бѣдняка была воля жива,
На землѣ, гдѣ лишь слезы и стонъ,
Вы боролись за счастье людей... ихъ права,
Какъ глашатаи лучшихъ временъ.

Больше жизни своей вы любили рабовъ,
Имъ служили мятежной душой
И въ порывѣ любви противъ новыхъ боговъ,
Противъ новыхъ цѣпей вышли въ бой.

И за то, что вы были людьми, вы должны
Умереть! Но позоръ палачамъ!
Если ты «индивидъ», твои дни сочтены,
Ты скажи «прости» счастью... мечтамъ.

Пусть вы мертвыми пали отъ вражескихъ рукъ,
Ваше дѣло—оно не умретъ;
Душа вашихъ друзей полна скорби и мукъ,
Она къ мести убійцамъ зоветъ!

Не напрасно, да будетъ земля вамъ легка,
Вы погибли за свой идеалъ...
День нашъ скоро настанетъ... побѣда близка:
Многихъ вы разбудили, кто спалъ.

Путь къ свободѣ могучаго... гордаго «я»
Подрываетъ убійцъ жизни нить;
И за ваши святыя страданья, друзья,
Мы живые, мы будемъ имъ мстить!

16 октября 1887 г.

II. Послѣ казни.

(Убійцамъ).

Свершилось! и міръ въ содроганьи нѣмомъ
Отвернулся, убійцы, отъ васъ!
Враги ваши всѣ, кто во мракѣ ночномъ
Еще живъ и не слѣпъ въ этотъ часъ,
Когда всходитъ побѣдно заря надъ землей,
И при первыхъ лучахъ оживаетъ душой.

Въ содроганіи всѣ отвернулись отъ васъ;
Вы обрызганы кровью, и свѣтъ вашъ погасъ!

Напрасенъ былъ смѣлыхъ, свободныхъ призывъ,
Напрасенъ былъ скорбнаго сердца порывъ;
Не дано вамъ судьбой справедливыми быть,
Человѣчности духъ въ васъ хотѣли открыть,
Человѣчности только, но даже надъ ней
Насмѣялись вы, предавъ казни друзей.

Свершилось! Чтобъ совѣсть въ себѣ заглушить,
Чтобъ зло вы могли творить смѣло,
Вы дали приказъ палачамъ задушить
Борцовъ за великое дѣло.

Трусливые слуги трусливыхъ господъ,
Вы сѣете всюду насилье и гнетъ!

Свершилось! Примите проклятье отъ насъ,
Отъ всѣхъ, кто теперь отвернулся отъ васъ
Въ содроганіи: пусть неотступно за вами
Бродитъ тѣнь смерти и ночью и днемъ,
Пусть вамъ будутъ минуты казаться годами,
А смерть... смерть желаннымъ и радостнымъ сномъ.
Но нѣтъ... не придетъ къ вамъ, убійцы, она...
Живите! Вашъ кубокъ не выпитъ до дна!
Живите, убійцы,—будетъ легка
Вамъ жизнь, но мстителей грозныхъ рука
Пусть вѣчно тревожитъ вашъ миръ и покой,
Пока не пробьетъ мести часъ роковой.
Забытые всѣми, кого вы любили,
Кому беззавѣтно и свято служили,
Подобіе жалкихъ звѣрей,—
Умрете одни вы, съ печатью презрѣнья,
Не встрѣтя ни въ комъ никогда примиренья
Одни... безъ родныхъ и друзей.
И снова предстанетъ вся жизнь предъ вами,
Съ полными страха... мученія днями,
Съ рядомъ безсонныхъ... тоскливыхъ ночей,
Когда вамъ казалось, что въ сумракѣ ночи
Глядятъ на васъ мстителей грозныя очи...
Призраки смерти стоятъ у дверей!

Свершилось! Не бьются сердца дорогія...
Но стыдно... позорно рыдать:
Для насъ вы останетесь вѣчно живые,—
Мы будемъ вашъ путь продолжать.

Когда отъ глубокаго сна міръ проснется,
Пойметъ, что свободнымъ рожденъ «индивидъ»,
Отъ васъ онъ, убійцы, какъ мы, отвернется,
Васъ вѣчнымъ проклятьемъ, какъ мы, заклей-
митъ.
Онъ насъ не осудитъ, что въ сердцѣ святая
Любовь навсегда умерла,
И ненависть только, къ борьбѣ призывая,
Какъ символъ страданья жила.

13-го ноября 1887 г.

III. ГОДЪ СПУСТЯ.

Къ оставшимся въ живыхъ.

Ужъ годъ прошелъ. Въ душѣ огонь остылъ!
Теперь могильщика рукою
И скорбь и гнѣвъ мой разумъ схоронилъ,
Смѣнилась ненависть тоскою.

Сегодня я охваченъ вновь борьбой...
Предъ нею не стою въ раздумьѣ
И я пишу увѣренной рукой:
«Вы также умерли въ безумьѣ!»

Мы не одной дорогой въ жизни шли:
Вы вѣрили въ чувства народа,
Ему свою жизнь вы въ даръ принесли,
Свою жизнь. Погибла свобода.

Мы не одной дорогой въ жизни шли,
Но мысль вашу гибель узнала,
Въ любви спасеніе вы обрѣли,
Въ васъ слугъ она вѣрныхъ искала.

Врагъ также, какъ вы, твердитъ о любви,
Но вѣритъ ему я не смѣю:
Тотъ, у кого вѣчно руки въ крови,
Тотъ нагло смѣется надъ нею.

Здѣсь вѣчно зима. Объятые сномъ
Вы спите... не знаете свѣта,
Весна ликуетъ, смѣется кругомъ,
Но вамъ не дождаться привѣта.

Цвѣтовъ ароматъ ласкаетъ меня,
Капризный, какъ капли тумана;
Могиламъ далекимъ кланяюсь я
На той сторонѣ океана...

Друзья! грядущее ваше темно:
Безъ битвы съ врагами вы пали,
Но мы устоимъ,—мы вѣру давно
Въ святую любовь потеряли.

Прощайте!..
Нѣтъ, не могу замолчать:
Я ложь презираю глубоко,
Должны... должны вы живые узнать,
Кто васъ обманулъ такъ жестоко.

Кто сдѣлалъ изъ васъ живыхъ мертвецовъ?
Виновны въ обманѣ вы сами:
Слѣпая вѣра... терпѣнье рабовъ
Васъ крѣпко сковали цѣпями.

Обязанность, право—звукъ лишь пустой.
Ложь скоро свое обаянье
Утратитъ... всходитъ уже надъ землей
Могучаго солнца сіянье.

Я знаю, чело великихъ бойцовъ
Вѣнокъ украшаетъ лавровый;
Прощайте! Ужъ дрогнулъ ночи покровъ,
И найденъ къ свободѣ путь новый!

Я знаю: радостенъ мертвыхъ покой,
Дѣламъ ихъ не будетъ забвенья
Но вы ихъ убили братской рукой:
Понять не могли ихъ стремленья.

Божественный плебсъ! Тебя я узналъ:
Мнѣ тайну открыли могилы
На островѣ: ты въ безуміи палъ,
Растративъ послѣднія силы.

Когда ты встанешь на гибель врагамъ?
Иль воля изъ груди изъята,—
Разрушенъ жалкихъ свободъ твоихъ храмъ,
Погибла любовь безъ возврата.

Бойцы противъ рабства... тяжкихъ цѣпей
Вы спите въ объятіяхъ славы...
Сегодня, если вы стали сильнѣй,—
Тогда я скажу, что вы „правы“!

1888 г.

IV. На кладбищѣ.

1.

Вы здѣсь покоитесь!—Вы здѣсь нашли пріютъ,
Когда прошли путь скорби и страданій...
Сны безмятежные страдальцевъ стерегутъ.
Не нужно слезъ... не надобно рыданій.
Я вижу, женщина склонилась надъ могилой...
Очей ея взоръ гордъ и смѣлъ,—
Стоитъ она полна какой-то тайной силой
Великихъ подвиговъ и дѣлъ.
И я спросилъ ее, зачѣмъ своихъ дѣтей
Ты охраняешь сонъ... сонъ вѣчный мертвецовъ?
Ты лучше ихъ учи врагами быть цѣпей,
Чтобъ пробудить отъ сна они могли рабовъ.
Пусть мирно мертвый спитъ; намъ жертвы не нужны:
Ужъ мститель всталъ... стоитъ передо мною...
Онъ цѣпи рветъ карающей рукою...
Враговъ и палачей дни жизни сочтены.
Здѣсь пять друзей моихъ покоятся въ могилахъ,
Но вырвалъ я троихъ изъ вражескихъ когтей.
Страшиться нечего! Пусть будетъ ночь темнѣй,
Она остановить расплаты часъ не въ силахъ.
Здѣсь, у родныхъ могилъ, разставшися съ тоской,
Надежду свѣтлую я уношу съ собой!..

2.

«Не убійцы, но убиты».
Вен. Р. Тэкеръ.

Начертите навѣки на камнѣ холодномъ:
«Здѣсь лучшіе пали отъ рукъ палачей»!
Чтобы каждый изъ смертныхъ въ порывѣ свободномъ
Врагомъ сталъ проклятыхъ, гнетущихъ цѣпей;
Чтобъ другъ иль прохожій, пришедши сюда,
Проснулся отъ ужаса, муки, стыда.
Мой привѣтъ вамъ, бойцы, моя пѣсня молчитъ:
Жду, что солнечный лучъ царство сна покоритъ!

Д. Г. Макэй.

Вилла Семитери, Чикаго, 11 сентября 1893 г.

Государственный соціализмъ и анархизмъ.

В. Тэкеръ.

(*Пер. Ч.*).

Государственный соціализмъ и анархизмъ.

Въ чемъ ихъ сходство и въ чемъ различіе [1]).

По всей вѣроятности никакая агитація ни по числу своихъ сторонниковъ, ни по степени своего вліянія никогда не достигала такой силы, какъ современный соціализмъ; въ то же время ни одно ученіе не было такъ ложно истолковываемо, какъ соціализмъ, не только своими противниками и индифферентной массой, но и дружелюбно настроенными людьми и даже огромнымъ большинствомъ его сторонниковъ. Это непріятное и крайне опасное положеніе вещей

[1]) Лѣтомъ 1886 г., вскорѣ послѣ Чикагской бомбы, авторъ получилъ отъ редактора *North American Review* предложеніе написать для него статью объ анархизмѣ. Въ отвѣтъ на это ему была отправлена настоящая статья. Черезъ нѣсколько дней авторъ получилъ письмо отъ редактора, въ которомъ тотъ сообщалъ о пріемѣ статьи для напечатанія и отзывался о ней какъ о самомъ талантливомъ произведеніи, когда-либо попадавшемъ въ портфель редакціи *Review*. Въ ближайшемъ номерѣ *Review* на второй страницѣ обложки красовалось извѣщеніе, что такая-то статья (слѣдовало заглавіе и имя автора) въ скоромъ времени будетъ напечатана въ журналѣ. Но проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а статья все не появлялась. На многократныя просьбы объяснить въ чемъ дѣло отвѣта не было. Наконецъ, по истеченіи чуть не цѣлаго года, авторъ написалъ редактору, что онъ прислалъ статью для напечатанія, а не для того, чтобы она валялась въ ящикѣ, и проситъ немедленно выяснить дѣло. Въ отвѣтъ онъ получилъ свою рукопись и чекъ на семьдесятъ пять долларовъ. Тогда онъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ своей статьѣ, и прочелъ ее нѣсколько разъ на публичныхъ лекціяхъ, а 10 марта 1888 г. она была напечатана въ *Liberty*.

обусловливается отчасти тѣмъ, что человѣческія отношенія, которыя это движеніе (если столь хаотическое явленіе можно назвать движеніемъ) стремится преобразовать, обнимаютъ не какой-либо отдѣльный классъ или нѣсколько классовъ, но буквально все человѣчество; отчасти-же тѣмъ, что по своей природѣ эти отношенія безконечно сложнѣе и разнообразнѣе тѣхъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло соціальнымъ реформаторамъ; и, наконецъ, тѣмъ, что великія созидательныя силы общества, средства просвѣщенія и сообщенія находятся почти въ исключительномъ распоряженіи тѣхъ, чьи непосредственные денежные интересы противорѣчатъ основному требованію соціализма—именно, чтобы трудъ владѣлъ тѣмъ, что ему принадлежитъ.

Пожалуй, единственными людьми, хотя-бы приблизительно понимающими смыслъ, основоположенія и цѣли соціализма, являются главные вожди крайнихъ фланговъ соціалистическихъ силъ, и, можетъ быть, даже кое-кто изъ денежныхъ королей. Въ послѣднее время каждый проповѣдникъ, профессоръ и газетный ловецъ пятаковъ считаетъ своимъ долгомъ судить и рядить о соціализмѣ, чѣмъ возбуждаетъ насмѣшки и жалость лицъ, компетентныхъ въ этой области. Что лица, занимающія выдающееся положеніе въ среднихъ соціалистическихъ дивизіонахъ, не вполнѣ представляютъ себѣ, чего они хотятъ, съ очевидностью явствуетъ изъ занимаемой ими позиціи. Если-бы они это хорошо себѣ представляли, если-бы они мыслили логически, были, какъ го-

ворятъ французы, *послѣдовательными* людьми— то давно-бы уже увидѣли необходимость примкнуть къ одному изъ крайнихъ флáнговъ.

Поистинѣ замѣчательно, что оба крыла огромной арміи, интересующей насъ въ данное время, объединенныя общимъ требованіемъ, чтобы трудъ получилъ то, что ему причитается, въ основныхъ началахъ соціальнаго дѣйствія и пріемахъ достиженія желаемой цѣли, болѣе діаметрально расходятся другъ съ другомъ, чѣмъ съ общимъ врагомъ своимъ, господствующимъ общественнымъ строемъ. Они исходятъ изъ двухъ началъ, прослѣдить исторію которыхъ равносильно тому, чтобы прослѣдить исторію міра съ момента появленія въ немъ человѣка; всѣ же промежуточныя партіи, въ томъ числѣ и защищающія существующій строй, основаны на компромиссѣ этихъ двухъ началъ. Значитъ ясно, что всякая разумная и глубокая оппозиція существующему порядку должна исходить изъ того или иного крайняго лагеря; всякое другое движеніе, далекое отъ революціоннаго протеста, можетъ стремиться лишь къ поверхностнымъ измѣненіямъ, и потому неспособно сосредоточить на себѣ столько вниманія и интереса, сколько его удѣляется современному соціализму.

Эти два начала суть *Власть* и *Свобода*, а школы соціалистической мысли, вполнѣ и безусловно представляющія то и другое направленіе, носятъ названіе государственнаго соціализма и анархизма. Кто знаетъ, чего эти школы хотятъ, и какъ онѣ предполагаютъ добиться своей

цѣли, тотъ и понимаетъ, что такое соціалистическое движеніе. Какъ нѣтъ дома, по пословицѣ, на полдорогѣ между Римомъ и Разумомъ, такъ нѣтъ его и на полпути между государственнымъ соціализмомъ и анархизмомъ. Изъ центра соціалистическихъ силъ постоянно исходятъ два теченія, концентрирующія ихъ на лѣвомъ и на правомъ флангѣ; и если-бы соціализмъ побѣдилъ, то весьма возможно, что послѣ раздѣленія фланговъ, послѣ того, какъ существующій порядокъ будетъ раздавленъ, между двумя лагерями возникла-бы послѣдняя и еще болѣе ожесточенная борьба. Въ этомъ случаѣ всѣ сторонники восьмичасового рабочаго дня, всѣ трэдъ-юніонисты, всѣ Рыцари Труда, всѣ сторонники націонализаціи земли, словомъ, всѣ члены тысяча и одного различныхъ батальоновъ, составляющихъ великую армію Труда, оставили-бы свои старые посты, построились-бы въ два отряда другъ противъ друга,—и началась-бы великая битва. Въ этой статьѣ я намѣренъ объяснить, что означала-бы въ этомъ случаѣ полная побѣда государственныхъ соціалистовъ, и что означала-бы побѣда анархистовъ.

Но прежде я долженъ показать, что между ними общаго, почему и тѣ и другіе являются соціалистами.

Экономическія основы современнаго соціализма представляютъ собой логическій выводъ изъ принципа, изложеннаго Адамомъ Смитомъ въ первыхъ главахъ «Богатства народовъ» — именно, что трудъ есть истинное мѣрило цѣнности. Но

Адамъ Смитъ, формулировавъ этотъ принципъ въ отчетливой и сжатой формѣ, тотчасъ же забросилъ дальнѣйшее изслѣдованіе его, вознамѣрившись показать, что измѣряетъ цѣнность въ дѣйствительности, и какъ въ настоящее время распредѣляется богатство. Съ этого времени почти всѣ политико-экономы по его примѣру ограничивали свою задачу описаніемъ общества въ его нынѣшнемъ состояніи, его современныхъ промышленныхъ и торговыхъ стадій. Соціализмъ же, напротивъ, ставитъ своей задачей описаніе общества такимъ, какимъ оно должно быть, а также изысканіе средствъ, при помощи которыхъ его можно сдѣлать такимъ, какимъ ему слѣдуетъ быть. Черезъ полстолѣтія слишкомъ, послѣ обнародованія Смитомъ своего положенія, соціализмъ подхватилъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ Смитъ его оставилъ и, прослѣдивъ его до конечныхъ логическихъ выводовъ, сдѣлалъ основой новой экономической философіи.

Повидимому это было сдѣлано независимо другъ отъ друга тремя различными людьми, трехъ различныхъ національностей, на трехъ различныхъ языкахъ: американцемъ Джозайа Уорреномъ; французомъ Пьеромъ Прудономъ; нѣмецкимъ евреемъ Карломъ Марксомъ. Что Уорренъ и Прудонъ пришли къ своимъ выводамъ самостоятельно и независимо другъ отъ друга, не представляется сомнѣнія; но возможно, что Марксъ своими экономическими идеями въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ Прудону. Какъ бы то ни было, Марксово изложеніе этихъ идей въ

такой степени проникнуто его личнымъ творчествомъ, что онъ съ полнымъ правомъ можетъ претендовать на оригинальность въ этой области. То обстоятельство, что этотъ интересный тріумвиратъ творилъ почти одновременно, повидимому, указываетъ, что соціализмъ уже носился въ воздухѣ, и что время и условія, благопріятныя появленію этой новой школы философской мысли, уже назрѣли. Поскольку дѣло идетъ о хронологическомъ первенствѣ, оно, повидимому, принадлежитъ Уоррену, американцу, — обстоятельство, которое не мѣшало-бы замѣтить американскимъ предвыборнымъ ораторамъ, ополчающимся на соціализмъ, какъ на предметъ иностраннаго привоза. Въ жилахъ этого Уоррена текла притомъ кровь чистѣйшаго революціонера—онъ потомокъ Уоррена, павшаго у Бэнкеръ Гилля.

Изъ Смитова положенія, что трудъ является истинной мѣрой цѣнности—или, какъ выразился Уорренъ, что стоимость есть истинное мѣрило цѣны—эти три господина сдѣлали слѣдующіе выводы: что естественной платой труда является его продуктъ; что эта заработная плата, или продуктъ, является единственнымъ справедливымъ источникомъ дохода (не считая, конечно, даренія, наслѣдованія и т. п.); что всѣ, получающіе доходъ изъ другого источника, прямо или косвенно вычитаютъ его изъ естественной и справедливой платы труда; что этотъ процессъ вычитанія обыкновенно принимаетъ одну изъ трехъ формъ—процента, ренты и прибыли; что эти три вещи составляютъ троицу ростовщичества и по-

просту являются тремя различными способами взиманія дани въ пользу капитала; что такъ какъ капиталъ является просто накопленнымъ трудомъ, уже получившимъ сполна свою плату, то онъ долженъ быть даровымъ, по принципу, что трудъ есть единственная основа цѣнности; что человѣкъ, ссужающій капиталъ, имѣетъ право лишь на безущербное полученіе его обратно, и только; что единственная причина того, что банкиръ, владѣлецъ запасовъ, землевладѣлецъ, фабрикантъ и купецъ имѣютъ возможность вымогать у труда лихву, заключается въ томъ, что за ихъ спиной стоитъ юридическая привилегія или монополія; и что единственный способъ обезпечить труду пользованіе полнымъ продуктомъ, или естественной заработной платой, это—уничтожить монополію.

Не слѣдуетъ думать, будто Уорренъ, Прудонъ или Марксъ выражались буквально такими словами, или думали сказать буквально то, что изложено выше; но я довольно точно изложилъ главную сущность ихъ идей въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ они шли вмѣстѣ. Чтобы меня не обвинили въ неправильномъ изложеніи ихъ положеній и договоровъ, я считаю долгомъ заранѣе оговориться, что излагаю ихъ съ широкой точки зрѣнія, и что въ цѣляхъ живого, яркаго и отчетливаго сравненія ихъ между собою я взялъ на себя смѣлость располагать и даже излагать ихъ мысли на свой ладъ; но убѣжденъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не исказилъ ихъ ни въ чемъ существенномъ.

Именно въ этомъ пунктѣ — по вопросу о необходимости уничтожить монополію — пути ихъ разошлись. Дорога развѣтвилась. Они увидѣли, что должны свернуть или направо, или налѣво—пойти или стезею власти, или стезею свободы. Марксъ пошелъ одной дорогой; Уорренъ и Прудонъ—другой. Такъ родились государственный соціализмъ и анархизмъ.

Займемся сперва государственнымъ соціализмомъ, который можно назвать *ученіемъ, что всѣ человѣческія дѣла должны вестись правительствомъ, независимо отъ личнаго желанія человѣка.*

Основатель его, Марксъ, пришелъ къ выводу, что уничтожить классовыя монополіи можно только путемъ сосредоточенія и закрѣпленія всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, всѣхъ производственныхъ и распредѣлительныхъ силъ въ рукахъ государства, какъ одной огромной монополіи. Правительство должно стать банкиромъ, фабрикантомъ, землевладѣльцемъ, транспортеромъ и купцомъ, и во всѣхъ этихъ областяхъ не должно терпѣть конкуренціи. Земля, инструменты, всѣ орудія производства, должны быть изъяты изъ владѣнія частныхъ лицъ и сдѣлаться собственностью коллективнаго цѣлаго. Индивиду или частному лицу должны принадлежать продукты, подлежащіе потребленію, а не средства производства ихъ. Человѣкъ можетъ быть собственникомъ своей одежды и пищи, но не швейной машины, которая шьетъ ему рубаху, и не лопаты, которою онъ копаетъ свой картофель.

Продуктъ и капиталъ суть двѣ вещи, существенно различныя между собою; первый принадлежитъ индивидамъ, второй—обществу. Общество должно захватить принадлежащій ему капиталъ, если можно, силой голосованія, а если нельзя, то революціоннымъ путемъ. Однажды завладѣвши имъ, оно должно управлять имъ по принципу большинства, черезъ посредство своего органа, государства; утилизировать его для цѣлей производства и распредѣленія, устанавливать всѣ цѣны сообразно количеству потраченнаго труда и давать всему народу работу въ своихъ мастерскихъ, фермахъ, лавкахъ и т. д. Нація должна превратиться въ исполинскій бюрократическій механизмъ, а каждый индивидъ въ государственнаго чиновника. Все должно дѣлаться по принципу стоимости, такъ какъ у людей не будетъ побужденій стремиться къ барышу. Такъ какъ индивидамъ не дозволяется имѣть капиталъ, то никто не можетъ нанимать другого, или даже самъ наниматься. Каждый будетъ рабочимъ, и только государство работодателемъ. Кто не пожелаетъ работать на государство, долженъ будетъ умереть съ голоду, или, что вѣроятнѣй, сѣсть въ тюрьму. Всякая свобода торговли должна будетъ исчезнуть. Конкуренція исчезнетъ безслѣдно. Вся промышленная и торговая дѣятельность должна будетъ сосредоточиться въ одной широкой, огромной, всеобъемлющей монополіи. Средствомъ отъ *монополіи* будетъ *монополія*.

Такова экономическая программа государствен-

наго соціализма по Карлу Марксу. Я не могу здѣсь излагать исторіи ея развитія. Въ Америкѣ ея сторонники носятъ названіе соціалистической рабочей партіи, считающей себя послѣдовательницей Маркса; націоналистовъ, слѣдующихъ за Карломъ Марксомъ, процѣженнымъ чрезъ Эдуарда Беллами; и христіанскихъ соціалистовъ, слѣдующихъ Карлу Марксу, профильтрованному черезъ Христа.

Къ чему приведетъ дальнѣйшее развитіе этого начала власти, если его приложить къ экономической сферѣ, нетрудно угадать. Оно приведетъ къ абсолютному контролю большинства надъ поведеніемъ индивида. Право такого контроля уже признается государственными соціалистами, хотя они утверждаютъ, что въ дѣйствительности индивиду будетъ предоставлено гораздо больше свободы, чѣмъ какой онъ пользуется въ настоящее время. Но она ему будетъ лишь предоставляться; онъ не сможетъ претендовать на нее, какъ на нѣчто неотъемлемое. Общество не будетъ построено на гарантіи равнаго пользованія самой широкой свободой, какая только возможна. Свобода будетъ лишь терпима и въ любую минуту сможетъ быть отнята. Конституціонныя гарантіи будутъ безсильны. Въ странѣ государственнаго соціализма будетъ лишь одинъ конституціонный параграфъ: «Право большинства непререкаемо».

Утвержденіе государственныхъ соціалистовъ, что это право не будетъ осуществляться въ случаяхъ, касающихся самыхъ интимныхъ и частныхъ сторонъ индивидуальной жизни, отнюдь

не подтверждается исторіей правительствъ. Власть всегда стремилась усугубиться, расширить свою сферу, перешагнуть границы, отведенныя ей; и тамъ, гдѣ привычка сопротивляться такому искушенію не встрѣчаетъ поощренія, а индивидъ не пріученъ ревниво охранять свои права, индивидуальность мало-по-малу исчезаетъ, и правительство или государство становится всемогущимъ факторомъ жизни. Контроль, конечно, сопровождаетъ отвѣтственность. Поэтому при системѣ государственнаго соціализма, считающей общество отвѣтственнымъ за здоровье, обезпеченность и здравомысліе индивида, общество въ лицѣ своего большинства, конечно, все больше будетъ стремиться регламентировать гигіеническія и другія условія жизни, будетъ разрушать, а въ концѣ концовъ и совсѣмъ убьетъ личную независимость, а вмѣстѣ съ нею и всякое чувство индивидуальной отвѣтственности.

Что-бы государственные соціалисты ни утверждали и ни опровергали, ихъ система должна будетъ въ концѣ концовъ выродиться въ государственную религію, которую всѣ обязаны поддерживать своими средствами и у алтаря которой всѣ должны будутъ преклонить колѣни; въ государственную школу медицины, у представителей которой всѣ больные обязаны будутъ лѣчиться; въ государственную систему гигіены, предписывающую, что каждый долженъ ѣсть, пить, носить и дѣлать, а чего не долженъ; государственный кодексъ нравственности, который не будетъ довольствоваться наказаніемъ престу-

пленій, но будетъ запрещать все, что большинство признаетъ порокомъ; государственную систему народнаго просвѣщенія, которая упразднитъ всѣ частныя школы, академіи и гимназіи; государственную дѣтскую, въ которой всѣ дѣти должны будутъ воспитываться сообща, за счетъ государства; и наконецъ, государственную семью, въ которой мужчинѣ и женщинѣ нельзя будетъ имѣть дѣтей, если государство запретитъ имъ это, и никто не сможетъ отказаться имѣть дѣтей, если государство потребуетъ этого. Такъ власть дойдетъ до кульминаціонной своей точки, и Монополія достигнетъ наивысшаго могущества.

Таковъ идеалъ послѣдовательныхъ соціалистовъ-государственниковъ, и цѣль, лежащая въ концѣ пути, начертаннаго Карломъ Марксомъ. Теперь послѣдуемъ за Уорреномъ и Прудономъ, пошедшими по иному пути—пути Свободы.

Онъ ведетъ насъ къ анархизму, который можно охарактеризовать, какъ *ученіе, что всѣ дѣла людей должны вестись отдѣльными личностями или добровольными союзами, и что государство должно быть упразднено.*

Когда Уорренъ и Прудонъ въ поискахъ справедливости для труда натолкнулись на препятствіе въ лицѣ классовыхъ монополій, они увидѣли, что эти монополіи опираются на власть; изъ этого они сдѣлали выводъ, что необходимо отнюдь не усилить эту власть и этимъ придать монополіи универсальный характеръ, а наоборотъ, совершенно искоренить власть и дать полное развитіе противоположному началу, свободѣ, сдѣлавъ уни-

версальной конкуренцію, прямую противоположность монополіи. Въ конкуренціи они видѣли могучее средство низвести цѣны до трудовой стоимости производства. Въ этомъ они соглашались съ политико-экономами. Естественно, явился вопросъ, почему всѣ цѣны не падаютъ до трудовой стоимости; куда отнести доходы, получаемые изъ иного источника, чѣмъ трудъ; словомъ, почему существуетъ ростовщикъ, получатель процентовъ, ренты и прибыли. Объясненіе было найдено въ нынѣшней односторонности конкуренціи. Оказалось, что капиталъ такъ обставилъ законодательство, что неограниченная конкуренція предоставлена человѣку въ сферѣ предложенія производительнаго труда, вслѣдствіе чего заработная плата держится на уровнѣ недоѣданія, близкаго къ голодной смерти; что большая свобода конкуренціи предоставлена ему въ сферѣ распредѣленія, или торговаго, посредническаго труда, благодаря чему не цѣны товаровъ, а коммерческая прибыль съ нихъ держится на уровнѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ справедливому вознагражденію за торговый трудъ; но почти никакой конкуренціи не дается ходу въ сферѣ предложенія капитала, отъ котораго находятся въ зависимости какъ производительный, такъ и распредѣлительный трудъ, благодаря чему размѣръ денежнаго процента, квартирной платы и земельной ренты держатся на невыносимой для народа высотѣ.

Сдѣлавъ это открытіе, Уорренъ и Прудонъ обвинили политико-экономовъ въ томъ, что они

боятся собственной доктрины. Манчестерцы были обвинены въ непослѣдовательности. Они признавали свободу конкуренціи съ рабочимъ въ цѣляхъ уменьшенія его заработной платы, но не признавали свободы конкуренціи съ капиталистомъ въ видахъ уменьшенія взимаемаго имъ процента. *Laissez faire* считалось очень хорошимъ соусомъ къ гусаку, но совсѣмъ негодной приправой къ гусынѣ. Но какъ поправить эту несостоятельность, какъ приготовить гусыню подъ тѣмъ же соусомъ, какъ предоставить капиталъ въ распоряженіе дѣльцовъ и рабочихъ за плату или совсѣмъ безпроцентно—вотъ въ чемъ былъ вопросъ.

Марксъ, какъ мы видѣли, рѣшилъ его тѣмъ, что объявилъ капиталъ вещью, отличною отъ продукта; онъ утверждалъ, что капиталъ принадлежитъ обществу, долженъ быть захваченъ обществомъ и употребленъ на цѣли общаго блага. Прудонъ же смѣялся надъ этимъ различіемъ между капиталомъ и продуктомъ. Онъ утверждалъ, что капиталъ и продуктъ отнюдь не представляютъ собой двухъ различныхъ видовъ богатства, но просто являются перемѣнными условіями или функціями того же богатства; что всякое богатство испытываетъ безпрестанное превращеніе изъ капитала въ продуктъ и изъ продукта снова въ капиталъ, и этотъ процессъ тянется безконечно; что капиталъ и продуктъ чисто соціальные термины; что продуктъ для одного человѣка, то для другого сейчасъ же становится капиталомъ, и наоборотъ; что если-бы въ

мірѣ существовала только одна личность, то все богатство было-бы для нея одновременно капиталомъ и продуктомъ; что плодъ труда А есть его продуктъ, который, будучи проданъ В, становится капиталомъ В (если В не является непроизводительнымъ потребителемъ, въ каковомъ случаѣ капиталъ просто будетъ расходуемымъ богатствомъ, независимо отъ точки зрѣнія соціальной экономіи); что паровая машина въ такой-же мѣрѣ является продуктомъ, какъ и пальто, а пальто такой-же капиталъ, какъ и паровая машина; и что одни и тѣ-же законы справедливости управляютъ владѣніемъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ.

По этимъ и другимъ соображеніямъ Прудонъ и Уорренъ не сочли возможнымъ одобрить такую мѣру, какъ захватъ капитала обществомъ. Однако, противясь соціализаціи права собственности на капиталъ, они стремились соціализировать ея послѣдствія, сдѣлавъ пользованіе капиталомъ благодѣтельнымъ для всѣхъ, между тѣмъ какъ обыкновенно онъ служитъ средствомъ обогащенія немногихъ за счетъ разоренія большинства. Они увидѣли, что этого можно достигнуть подчиненіемъ капитала естественному закону конкуренціи, что понизитъ цѣну пользованія имъ до уровня стоимости—т. е. расходовъ, необходимыхъ для распоряженія и перемѣщенія капитала. Тогда они развернули знамя Абсолютной Свободы торговли, свободы внутренней торговли, какъ и внѣшней; они сдѣлали логическій выводъ изъ ученія манчестерцевъ, возвели *laissez faire* въ универсальное правило. Подъ этимъ знаменемъ они начали

борьбу съ монополіями, будетъ-ли то всеобъемлющая монополія государственныхъ соціалистовъ или различныя классовыя монополіи, нынѣ господствующія.

Изъ этихъ послѣднихъ они выдѣлили четыре монополіи, представляющія первостепенную важность: монетную монополію, земельную монополію, тарифную монополію и патентную монополію.

Первою по своей зловредности является по ихъ мнѣнію монетная монополія, заключающаяся въ привилегіи, даруемой правительствомъ нѣкоторымъ лицамъ, или лицамъ, владѣющимъ нѣкоторыми видами имущества, на право выпуска обмѣнныхъ знаковъ,—привилегія, въ Америкѣ въ настоящее время подкрѣпляемая національнымъ налогомъ въ 10 проц., взимающимся со всѣхъ другихъ лицъ, которыя желали-бы выпускать монету, и государственными законами, объявившими преступленіемъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Утверждаютъ, что обладатели этой привилегіи устанавливаютъ высоту процента, наемной цѣны домовъ и помѣщеній и цѣну товаровъ—первое прямо, второе и третье косвенно. Ибо, говорятъ Прудонъ и Уорренъ, если-бы банковое дѣло было доступно всѣмъ, то къ этой спеціальности примыкало-бы все большее число лицъ, пока сильная конкуренція не понизила-бы наемную плату за деньги до трудовой стоимости, которая, какъ показываетъ статистика, составляетъ меньше трехъ четвертей процента. Въ этомъ случаѣ тысячи людей, которые теперь не занимаются дѣломъ изъ-за

неимовѣрно высокаго процента, который приходится платить за первоначальный капиталъ, не встрѣтили-бы затрудненій къ займу. Если у нихъ будетъ имущество, котораго они не желаютъ превратить въ деньги путемъ продажи, то банкъ возьметъ его въ обезпеченіе ссуды въ размѣрахъ рыночной цѣны съ учетомъ менѣе чѣмъ въ одинъ процентъ. Если у нихъ нѣтъ имущества, но они трудолюбивы, честны и способны, то они найдутъ достаточное число надежныхъ поручителей и получатъ ссуду подъ вексель, притомъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Такъ ростовщичество будетъ убито однимъ ударомъ. Банки въ сущности уже не будутъ ссужать капитала, но будутъ вести дѣла капиталами своихъ кліентовъ; дѣла-же эти будутъ заключаться въ обмѣнѣ извѣстнаго и живого кредита банковъ на неизвѣстный и мертвый, но такой-же хорошій кредитъ кліентовъ и во взиманіе за это менѣе одного процента не въ видѣ лихвы за пользованіе капиталомъ, но въ видѣ платы за трудъ по веденію банковаго дѣла. Такая легкость добыванія капитала сообщитъ дѣламъ неслыханный подъемъ и, слѣдовательно, вызоветъ безпримѣрный спросъ на трудъ — спросъ, который всегда будетъ превышать предложеніе, между тѣмъ какъ въ настоящее время мы наблюдаемъ на рынкѣ совершенно обратную картину. Тогда исполнятся слова Ричарда Кобдена о томъ, что когда два рабочихъ приходится на одного хозяина, то заработная плата падаетъ, когда-же два предпринимателя приходятся на

одного рабочаго, то заработная плата поднимается. Трудъ сможетъ диктовать свои условія, онъ обезпечитъ себѣ естественную заработную плату, полный продуктъ. Тотъ же ударъ, который убьетъ процентщика, толкнетъ вверхъ заработную плату. Но это не все. Прибыль также упадетъ. Ибо купцы, вмѣсто того чтобы покупать высокой цѣною въ кредитъ, будутъ занимать деньги въ банкахъ за ничтожный процентъ, менѣе одного, и покупать по дешевой цѣнѣ за наличныя, значитъ, спустятъ цѣны и для своихъ покупателей. А затѣмъ падетъ и квартирная плата. Ибо никто, имѣя возможность занять капиталъ изъ одного процента и построить на него домъ, не станетъ добровольно платить хозяину квартирной платы, превышающей одинъ процентъ. Таковы горизонты, представившіеся Прудону и Уоррену въ результатѣ простой отмѣны монетной монополіи.

Второе мѣсто по важности занимаетъ земельная монополія, дурные плоды которой особенно замѣтны въ чисто земледѣльческихъ странахъ, какъ Ирландія. Эта монополія заключается въ укрѣпленіи правительствомъ земельныхъ владѣній, не основанныхъ на личномъ захватѣ или обработкѣ. Уоррену и Прудону ясно было, что какъ только отдѣльныя лица лишатся поддержки ближнихъ во всемъ, что не является личнымъ завладѣніемъ или обработкой земли, то земельная рента исчезнетъ, и лихоимство лишится еще одного изъ своихъ устоевъ. Ихъ современные послѣдователи склонны видоизмѣнить это ут-

вержденіе въ томъ духѣ, что очень малая часть ренты, основанная не на монополіи, а на превосходствѣ почвы или мѣстоположенія, будетъ еще существовать нѣкоторое время, а можетъ быть и всегда, хотя въ условіяхъ свободы она непрерывно будетъ стремиться къ минимуму. Но неодинаковость почвъ въ качественномъ отношеніи, дающая начало экономической рентѣ за землю, точно такъ же, какъ и неравенство человѣческихъ дарованій, дающее начало экономической рентѣ таланта, не представляетъ серьезной угрозы даже въ глазахъ самыхъ непримиримыхъ враговъ лихоимства; въ природѣ ихъ нѣтъ того зародыша, изъ котораго выростаютъ другія, болѣе важныя неравенства, скорѣй ихъ можно уподобить умирающей вѣткѣ, которая рано или поздно сгниваетъ и отваливается

Третья, тарифная монополія, заключается въ поощреніи производства въ неблагопріятныхъ условіяхъ и по высокимъ цѣнамъ путемъ обложенія тѣхъ, кто покровительствуетъ производству по низкимъ цѣнамъ и при благопріятныхъ условіяхъ. Зло, проистекающее отъ этой монополіи, вѣрнѣе будетъ назвать *малоимствомъ*, чѣмъ лихоимствомъ, ибо она заставляетъ трудъ платить не за пользованіе капиталомъ, а скорѣе за непользованіе имъ. Упраздненіе этой монополіи повлекло-бы за собой сильное пониженіе цѣнъ на всѣ обложенные предметы, а образовавшіяся такимъ образомъ у потребителей - рабочихъ сбереженія дали-бы имъ возможность сдѣлать еще шагъ къ обезпеченію себѣ естественной заработ-

ной платы, полнаго продукта. Прудонъ допускалъ, однако, что упраздненіе этой монополіи до уничтоженія монетной монополіи было-бы жестокой и гибельной мѣрой; во-первыхъ потому, что недостатокъ денегъ—результатъ монетной монополіи—усилился-бы вслѣдствіе отлива денегъ за границу, что повлекло-бы за собой превышеніе ввоза надъ вывозомъ, а во-вторыхъ потому, что часть рабочихъ, нынѣ занятая въ покровительствуемыхъ отрасляхъ промышленности, очутилась-бы на краю голодной гибели, не найдя немедленнаго примѣненія своимъ силамъ. Свобода монетнаго дѣла внутри страны, которая повлечетъ за собою обиліе денегъ и работы, является по Прудону предварительнымъ условіемъ свободнаго обмѣна товарами съ за границей.

Четвертая, патентная монополія, заключается въ огражденіи авторовъ и изобрѣтателей отъ конкуренціи на долгій срокъ, дающій имъ возможность вымогать у народа вознагражденіе, неизмѣримо превышающее трудовую цѣнность ихъ услугъ; другими словами, она заключается въ предоставленіи нѣкоторымъ людямъ на цѣлый рядъ лѣтъ права собственности на законы и явленія природы и власти взимать съ прочихъ людей дань за пользованіе этимъ естественнымъ богатствомъ, которое должно быть доступно всѣмъ. Упраздненіе этой монополіи внушитъ тѣмъ, кто пользуется ею, спасительный страхъ конкуренціи, который заставитъ ихъ довольствоваться вознагражденіемъ за свои услуги, не превышающимъ вознагражденія другихъ тру-

жениковъ; но это-же и обезпечитъ ихъ вознагражденіе, ибо они съ самаго-же начала будутъ выпускать на рынокъ свой трудъ и продукты по такимъ низкимъ цѣнамъ, что ихъ спеціальность не въ большей мѣрѣ будетъ соблазнять конкурентовъ, чѣмъ всякая иная.

Логическое развитіе экономической программы, заключающейся въ уничтоженіи этихъ монополій и замѣнѣ ихъ самой свободной конкуренціей, привело ея авторовъ къ тому заключенію, что ихъ идеи построены на единомъ основномъ началѣ — началѣ свободы личности, ея права суверенитета, т. е. верховной власти надъ собою, своими продуктами и своими дѣлами, и нежеланія подчиняться велѣніямъ внѣшней власти. Какъ мысль объ отнятіи капитала у частныхъ лицъ и передачѣ его правительству привела Маркса на путь, въ концѣ котораго неизбѣжно придется признать въ государствѣ все, а въ личности—ничто, такъ и идея изъятія капитала изъ покровительствуемыхъ правительствомъ монополій и предоставленія его на льготныхъ условіяхъ отдѣльнымъ индивидамъ привело Уоррена и Прудона на путь, въ концѣ котораго личность будетъ всѣмъ, а правительство ничѣмъ. Если индивидъ имѣетъ право управлять собою, то всякое внѣшнее правительство есть тиранія. Слѣдовательно, необходимо упразднить государство. Таковъ былъ логическій выводъ, къ которому естественно пришли Уорренъ и Прудонъ, и онъ сталъ краеугольнымъ камнемъ ихъ политической философіи. Это—то ученіе, которое Пру-

донъ назвалъ анархизмомъ, слово, по-гречески означающее не отсутствіе порядка, какъ многіе думаютъ, а отсутствіе правленія. Анархисты полагаютъ, что «лучшее правительство это то, которое меньше всего управляетъ», а правительство, которое меньше всего управляетъ, вовсе не есть правительство. Правительству, опирающемуся на принудительное обложеніе гражданъ, они отказываютъ даже въ простой полицейской функціи охраны личности и собственности. Такую охрану, поскольку она необходима, они считаютъ возможнымъ организовать путемъ добровольнаго соединенія и сотрудничества для цѣлей защиты, которая можетъ быть продаваема, какъ всякій другой товаръ, тѣми, кто предлагаетъ его наилучшаго качества по самой дешевой цѣнѣ. На ихъ взглядъ заставлять человѣка оплачивать или получать защиту отъ нападенія, которой онъ не просилъ и не желаетъ, также есть нападеніе. Они утверждаютъ, далѣе, что послѣ того, какъ бѣдность, а съ нею и порокъ, исчезнутъ по осуществленіи ихъ экономической программы, защита станетъ ненужнымъ товаромъ. Принудительное обложеніе для нихъ является жизненнымъ нервомъ всѣхъ монополій, а пассивное, но организованное сопротивленіе сборщику налоговъ, думаютъ они, въ свое время сыграетъ роль одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ осуществленію ихъ цѣлей.

Ихъ позиція въ этомъ вопросѣ характеризуетъ собою и ихъ отношеніе ко всѣмъ другимъ вопросамъ политическаго или экономическаго свой-

ства. Въ религіи они атеисты, поскольку дѣло касается ихъ собственныхъ убѣжденій, ибо въ божественномъ авторитетѣ и религіозной санкціи морали они видятъ главный предлогъ, выдвигаемый привилегированными классами для осуществленія человѣческой власти. «Если богъ существуетъ», сказалъ Прудонъ, «то онъ врагъ человѣка». И въ противоположность знаменитой фразѣ Вольтера: «Если-бы бога не существовало, то необходимо было-бы его выдумать», великій русскій анархистъ Михаилъ Бакунинъ выставилъ свое положеніе: «Если-бы богъ существовалъ, то его необходимо было-бы упразднить». И все же, считая духовную іерархію враждебной анархіи и не признавая бога, анархисты твердо стоятъ за свободу вѣрить въ него. Они горячо ополчаются на всякое ограниченіе религіозной свободы.

Защищая право каждой личности быть своимъ пастыремъ или избирать себѣ такового они въ то же время провозглашаютъ право индивида быть своимъ собственнымъ врачомъ или свободно избирать себѣ такового. Ни монополіи теологіи, ни монополіи медицины. Конкуренція во всемъ и всегда; духовный совѣтъ или медицинскій совѣтъ одинаково должны держаться лишь силою своего достоинства. Этотъ принципъ свободы долженъ быть проведенъ не только въ медицинѣ, но и въ гигіенѣ. Личность въ правѣ рѣшать не только, что ей дѣлать, чтобы имѣть кусокъ хлѣба, но и что дѣлать, чтобы быть здоровой. Никакая внѣшняя власть не можетъ

указывать человѣку, что ему можно ѣсть, пить, носить и дѣлать, а чего нельзя.

Равнымъ образомъ анархистическая философія не даетъ и моральнаго кодекса, который можно было-бы навязать индивиду. «Знай свое»—вотъ единственный моральный кодексъ анархиста. Вмѣшательство въ чужія дѣла есть преступленіе, и притомъ единственное, которому и можно сопротивляться надлежащими мѣрами. Собразно съ симъ анархисты считаютъ преступными самыя попытки искорененія порока посредствомъ произвола. Они убѣждены, что свобода и сопряженное съ нею общее благоденствіе являются самымъ надежнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ пороковъ. Но они признаютъ за пьяницей, игрокомъ, проституткой и кутилой право продолжать свой образъ жизни, пока они добровольно не откажутся отъ него.

Что касается выращиванія и воспитанія дѣтей, то анархисты не станутъ учреждать ни коммунистической дѣтской въ духѣ соціалистовъ государственниковъ, ни покровительствовать школьной системѣ, господствующей въ настоящее время. Нянька и учитель, точно такъ же, какъ врачъ и священникъ, должны избираться по доброй волѣ родителя, а услуги ихъ должны оплачиваться тѣми, кто о дѣтяхъ заботится. Родительскія права не должны отниматься у человѣка, точно такъ же, какъ его родительская отвѣтственность не должна быть возлагаема на другихъ.

Анархисты не колеблются приложить свои принципы и къ такой деликатной области, какъ

отношенія между полами. Они признаютъ и защищаютъ право всякаго мужчины и женщины любить другъ друга столько времени, сколько они хотятъ или могутъ. Для анархистовъ и законный бракъ и законный разводъ одинаково являются нелѣпостью. Они надѣются, что настанетъ время, когда каждый индивидъ, будетъ-ли то мужчина или женщина, будетъ жить собственнымъ иждивеніемъ, будетъ обладать собственнымъ домомъ—отдѣльнымъ-ли зданіемъ, или квартирой въ одномъ зданіи съ другими; когда любовныя отношенія между этими независимыми личностями будутъ такъ-же разнообразны, какъ разнообразны индивидуальныя влеченія и склонности; и когда дѣти, рождающіяся отъ такихъ отношеній, будутъ принадлежать исключительно матерямъ, пока не выростутъ настолько, чтобы принадлежать самимъ себѣ.

Таковы главныя черты общественнаго идеала анархіи. Но мнѣнія анархистовъ сильно расходятся по вопросу о наилучшемъ способѣ достиженія его. Время не позволяетъ мнѣ обстоятельнѣй коснуться этой темы. Я просто обращу ваше вниманіе на то, что этотъ идеалъ совершенно расходится съ идеаломъ коммунистовъ, называющихъ себя анархистами, и въ то-же время защищающихъ режимъ архизма, власти, столь-же деспотичной, какъ государство соціалистовъ. Этотъ идеалъ такъ-же трудно приблизить насильственной экспропріаціей, рекомендуемой Іоганномъ Мостомъ и княземъ Кропоткинымъ, какъ и отдалить судебными приговорами, по-

славшими этихъ писателей въ тюрьму; это идеалъ, торжеству котораго чикагскіе мученики въ гораздо большей мѣрѣ послужили своей славной смертью на эшафотѣ за общее дѣло, чѣмъ неудачной защитой при жизни, во имя анархизма, силы, какъ революціоннаго агента, и власти, какъ охранителя новаго общественнаго строя. Анархизмъ видитъ въ свободѣ одновременно и цѣль, и средство, и враждебенъ всему, что ей противорѣчитъ.

Я не сталъ-бы резюмировать этого и такъ слишкомъ суммарнаго очерка соціализма съ точки зрѣнія анархизма, если-бы эта задача не была уже выполнена до меня блестящимъ французскимъ журналистомъ и историкомъ, Эрнестомъ Лезинемъ, въ видѣ ряда антитезисовъ; я позволю себѣ привести ихъ въ надеждѣ усугубить впечатлѣніе, которое мнѣ хотѣлось-бы произвести настоящей статьей.

«Есть два соціализма.

«Одинъ коммунистическій, другой солидаритарный.

«Одинъ диктаторскій, другой либертарный.

«Одинъ метафизическій, другой позитивный.

«Одинъ догматическій, другой научный.

«Одинъ эмоціональный, другой основанъ на рефлексіи.

«Одинъ разрушительный, другой созидательный.

«Оба стремятся къ величайшему благополучію для всѣхъ, какое только возможно.

«Одинъ стремится установить счастіе для

всѣхъ, другой—дать каждому возможность быть счастливымъ на собственный ладъ.

«Первый видитъ въ государствѣ общество *sui generis*, особой природы, продуктъ нѣкотораго божественнаго права, стоящій внѣ и надъ всякимъ другимъ обществомъ; оно надѣлено особыми правами и можетъ требовать особаго повиновенія. Второй считаетъ государство такой-же ассоціаціей, какъ и всякая другая, притомъ управляющейся по общему правилу хуже всякихъ другихъ.

«Первый провозглашаетъ верховенство государства, второй не признаетъ никакихъ суверенитетовъ.

«Одинъ желаетъ, чтобы всѣ монополіи находились въ рукахъ государства; другой желаетъ упраздненія всякихъ монополій.

«Одинъ желаетъ, чтобы классъ управляемыхъ сталъ правящимъ классомъ; другой желаетъ исчезновенія всякихъ классовыхъ дѣленій.

«Оба заявляютъ, что существующій порядокъ вещей не можетъ продолжаться.

«Первый считаетъ революцію необходимымъ факторомъ эволюціи; второй учитъ, что только репрессія превращаетъ эволюцію въ революцію.

«Первый вѣритъ въ переворотъ.

«Второй знаетъ, что соціальный прогрессъ обусловливается свободнымъ проявленіемъ индивидуальныхъ силъ.

«Оба признаютъ, что мы вступаемъ въ новую фазу исторіи.

«Одинъ желаетъ, чтобы были одни только пролетаріи.

«Другой желаетъ, чтобы вовсе не было пролетаріевъ.

«Первый желаетъ отнять все у всѣхъ.

«Второй желаетъ оставить каждому то, что ему принадлежитъ.

«Одинъ желаетъ экспропріировать всѣхъ.

«Другой желаетъ, чтобы всѣ были собственниками.

«Первый говоритъ: Дѣлай то, чего желаетъ правительство.

«Второй говоритъ: Дѣлай то, чего самъ желаешь.

«Первый грозитъ деспотизмомъ.

«Второй обѣщаетъ свободу.

«Первый дѣлаетъ гражданина подданнымъ государства.

«Второй дѣлаетъ государство слугою гражданина.

«Одинъ объявляетъ, что рожденіе новаго міра будетъ сопряжено съ мученіями.

«Другой заявляетъ, что истинный прогрессъ никому не причинитъ страданій.

«Первый вѣритъ въ соціальную войну.

«Второй вѣритъ только въ мирную работу.

«Одинъ стремится повелѣвать, регулировать, законодательствовать.

«Другой желаетъ свести до минимума необходимость повелѣвать, регулировать, законодательствовать.

«За первымъ послѣдовала-бы самая жестокая реакція.

«Второй откроетъ прогрессу безграничные горизонты.

«Первый потерпитъ неудачу; второй добьется успѣха.

«И тотъ и другой желаютъ равенства.

«Одинъ для этого считаетъ нужнымъ пригнуть головы, поднятыя слишкомъ высоко.

«Другой — поднять головы, склонившіяся слишкомъ низко.

«Одинъ видитъ равенство въ общемъ подчиненіи игу.

«Другой хочетъ обезпечить его полной свободой.

«Одинъ нетерпимъ, другой толерантенъ.

«Одинъ запугиваетъ, другой ободряетъ.

«Одинъ желаетъ поучать всѣхъ и каждаго.

«Другой желаетъ дать каждому возможность учиться самостоятельно.

«Первый желаетъ всѣмъ оказывать поддержку.

«Второй желаетъ дать каждому возможность самостоятельно поддерживать себя.

«Одинъ говоритъ:

«Земля государству.

«Руда государству.

«Орудіе государству.

«Продуктъ государству.

«Другой говоритъ:

«Земля земледѣльцу.

«Руда рудокопу.

«Орудіе трудящемуся.

«Продуктъ производителю.

«Есть только два соціализма.

«Одинъ находится въ стадіи дѣтства; другой—въ стадіи зрѣлаго мужества.

«Одинъ принадлежитъ прошлому; другой — будущему.

«Одинъ уступитъ мѣсто другому.

«Каждый долженъ выбрать тотъ или другой соціализмъ, или сознаться, что онъ вовсе не соціалистъ».

Разрушьте храмы... алтари!
Не нужно бога вамъ;
Смотрите: яркій свѣтъ зари,
Онъ свѣтитъ всѣмъ рабамъ.

Въ борьбѣ съ суровою судьбой
Вы ждали отъ небесъ
Съ надеждой дѣтской и тоской
Даровъ себѣ... чудесъ.

Но шли вѣка, и слѣпота
Ковала цѣпи вамъ
Свободы... силы красота
Чужда была рабамъ.

Все также нищій умиралъ
Измученный нуждой;
Священникъ райской стороной
Страдальца утѣшалъ.

И богачу, который жилъ,
Не знаяся съ нуждой,
Онъ тоже свѣтлый рай сулилъ,
Блаженство и покой.

И, если вы хотите быть
Свободны отъ оковъ,
Должны вы бога позабыть,
Какъ сказку для глупцовъ.

Тогда вы собственной рукой
Начнете создавать
Не рай небесъ, а рай земной,
Его съ надеждой ждать!

Гидъ.

Уйдите отъ насъ! Вы—невинны, за злато
Мы тѣло свое продаемъ
И душу живую сожгли, безъ возврата,
Разгула и страсти огнемъ.

Вашъ судъ намъ не нуженъ... мы чистыми
были...
Судьбѣ удалось насъ сломить,
Мы нѣжною, свѣтлой любовью любили,
Какъ вамъ никогда не любить.

Замужество словно завѣсой скрываетъ
Всѣ ваши грѣхи и развратъ,
И свѣтъ вамъ охотно пороки прощаетъ,
А насъ... насъ презрѣньемъ клеймятъ.

Къ намъ, падшимъ... забвенья ища... и тумана
Идутъ ваши дѣти... мужья,
И гибнетъ, дитя низкой лжи и обмана,
Невинная ваша семья.

Гидъ.

Успѣхъ пропаганды анархическаго индивидуализма въ Россіи.

Однимъ изъ главныхъ видовъ пропаганды всякаго ученія и анархическаго индивидуализма въ частности является широкое распространеніе среди населенія литературы по данному вопросу. Всякое ученіе, если желателенъ его успѣхъ, прежде всего должно быть распропагандировано, какъ словомъ устнымъ, такъ и посредствомъ печати. Исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что необходима революція въ умахъ, прежде чѣмъ можно разсчитывать на успѣхъ настоящей революціи. И ясно, чѣмъ больше людей будутъ думать такъ, а не иначе, тѣмъ скорѣе произойдетъ то, чего они добиваются.

И можно смѣло сказать, что тамъ, гдѣ по данному вопросу существуетъ обширная литература, тамъ, гдѣ много ораторовъ являются поборниками даннаго ученія, тамъ и ученіе это широко примѣнено въ обществѣ.

И наоборотъ, гдѣ нѣтъ писателей и ораторовъ, тамъ нѣтъ и мѣста для мало-мальски серьезнаго даже увлеченія какимъ-либо ученіемъ.

Христіанство получило свое широкое распространеніе благодаря евангелію и неустанной проповѣди. Для успѣха христіанскаго ученія на апостоловъ долженъ былъ снизойти по преданію

«духъ святой», внушившій имъ сверхъестественный даръ слова.

Такимъ образомъ и для анархическаго индивидуализма, этого ученія о конечномъ счастьи свободнаго человѣка, для его успѣха необходима проповѣдь, проповѣдь словомъ и письмомъ.

Въ западной Европѣ пропаганда анархическаго индивидуализма развита весьма слабо.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Германіи появилась книга М. Штирнера, «Единственный и его достояніе», всколыхнула небольшой кругъ современниковъ и, затѣмъ, пропала съ книжнаго рынка на полстолѣтія, когда достойный послѣдователь Штирнера, Джонъ Генри Макэй, раскопалъ ее и вновь издалъ на удивленіе пристыженной публики. Самъ Макэй съ особенной тщательностью написалъ біографію М. Штирнера, изложивъ также его ученіе. Затѣмъ были изданы чудные очерки изъ жизни конца XIX столѣтія Макэя подъ заглавіемъ «Анархисты».

Эти очерки представляютъ изъ себя полное изложеніе взглядовъ анархиста-индивидуалиста въ беллетристической формѣ. Талантъ Макэя позволилъ ему въ яркихъ образахъ представить весьма глубокое, жизненное и въ то же самое время необыкновенно—неподатливое для его изображенія и изложенія индивидуалистическое ученіе. Тѣмъ не менѣе Макэй справился съ поставленной себѣ задачей болѣе чѣмъ удачно, можно сказать, даже блестяще. И мы увѣрены,

что эта книга будетъ имѣть постоянный и безсмертный успѣхъ...

Затѣмъ Макэй свои взгляды изложилъ также въ прекрасныхъ, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ, стихахъ.

Въ сущности, Макэемъ заканчивается перечисленіе литературныхъ силъ по анархическому индивидуализму на Западѣ, если не считать Ницше и Ибсена, индивидуалистовъ, но не анархистовъ.

Насколько бѣдно распространеніе индивидуалистической литературы на Западѣ, это видно изъ того, что когда издательству «Индивидъ» понадобилась книга анархиста Тэкера и оно сдѣлало запросъ телеграммами и письмами въ лучшіе книжные склады Лондона, этого разсадника анархизма, Парижа, Берлина, родины Штирнера, то отовсюду былъ одинъ тожественный отвѣтъ: «во всемъ городѣ нѣтъ ни одной книги, выписываемъ изъ Нью-Іорка». Ученый Ценкеръ въ своей книгѣ «Анархизмъ» жалуется, что во всей западной Европѣ онъ не могъ найти ни одной книги Тэкера, хотя ученіе послѣдняго очень интересно, что онъ, Ценкеръ, писалъ письмо самому Тэкеру, но не получилъ отъ него никакого отвѣта. Московскому издательству «Индивидъ» повезло больше, чѣмъ западно-европейскому ученому.

Онъ получилъ не только отвѣтъ на свое письмо отъ самого Тэкера, но и двѣ книги изъ Нью-Іорка: черезъ лондонскую фирму и черезъ одну русскую фирму.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что тотъ фактъ, что въ Западной Европѣ интересуются, но не имѣютъ книги Тэкера, просто зависитъ отъ халатности и нерадѣнія къ дѣлу. И напрасно Макэй называетъ Тэкера своимъ другомъ, разъ онъ не заботится о распространеніи черезъ посредство его книгъ тѣхъ идеаловъ, поборникомъ которыхъ является самъ онъ лично.

Вѣдь былъ-же Макэй въ состояніи издать и пропагандировать книгу Штирнера, менѣе современную и, потому, менѣе доступную пониманію читателя.

Тэкеръ, по крайней мѣрѣ, поступаетъ болѣе осмотрительно, переводя и заботясь о распространеніи книгъ своего друга, Макэя.

По ту сторону океана, въ Америкѣ, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Благодаря Веніамину Тэкеру тамъ имѣются не только издательства индивидуалистическаго направленія, но и газета «Liberty», на страницахъ которой Тэкеръ и другіе сотрудники этой газеты проповѣдуютъ и отстаиваютъ индивидуалистическіе идеалы.

Что-же касается ораторовъ, если въ Америкѣ такимъ является самъ Тэкеръ, то въ Западной Европѣ нѣтъ ни одного человѣка, который-бы горячимъ словомъ могъ содѣйствовать распространенію въ обществѣ взглядовъ анархическаго индивидуализма.

Какъ ни странно на первый взглядъ для «варварской страны», у насъ въ Россіи за послѣднее время анархизмъ вообще и индивидуалистическій

въ частности пріобрѣлъ въ интеллигентныхъ кругахъ русскаго общества большія симпатіи.

Лѣтомъ и осенью 1906 года на книжномъ рынкѣ главнымъ образомъ фигурировала именно эта литература.

Достаточно было озаглавить книгу словомъ «анархизмъ»; чтобы она нарасхватъ была разобрана...

И что удивительнѣе всего, это то, что прежде всего, въ іюнѣ 1906 года, одновременно появились оригинальныя брошюры русскихъ авторовъ: «Общественные идеалы современнаго человѣчества» (Либерализмъ, соціализмъ, анархизмъ) А. Борового и «Анархическій индивидуализмъ» О. Виконта (псевдонимъ). Вторая брошюра въ виду рѣзкихъ нападокъ автора на бога, государство и абсолютнаго монарха была тотчасъ изъята администраціей и Судебной Палатою изъ обращенія, но тѣмъ не менѣе получила сильное распространеніе особенно въ Петербургѣ.

Затѣмъ книжный рынокъ былъ переполненъ переводной индивидуалистической литературой. «Единственный и его достояніе» М. Штирнера издали три издательства, и мы знаемъ еще издательства три, собирающіяся выпустить эту книгу въ свѣтъ.

Въ одинъ и тотъ-же день сразу въ двухъ изданіяхъ появились «Анархисты» Макэя. И важнѣе всего тотъ фактъ, что за изданіе анархической литературы принялись крупныя, чисто коммерческія фирмы, что безусловно свидѣтель-

ствуетъ о сильномъ спросѣ этой литературы въ публикѣ.

Единственно чисто-индивидуалистическимъ издательствомъ въ Россіи является издательство «Индивидъ»... Имъ выпущены пока упомянутая брошюра Виконта «Единственный и его достояніе» М. Штирнера, какъ въ выпускахъ, такъ, и цѣльной книгой, сборникъ «Индивидуалистъ» съ портретами М. Штирнера и В. Тэкера, съ оригинальными статьями и стихотвореніями; «Соціализмъ, коммунизмъ и методы» В. Тэкера (къ стыду Западной Европы) и настоящій сборникъ. Всѣ изданія «Индивида», кромѣ книги М. Штирнера усиленно, конфискуются въ Москвѣ, но за то имѣютъ громадное распространеніе въ другой столицѣ и, главнымъ образомъ, въ провинціи.

И можно смѣло сказать, что въ настоящее время нѣтъ города въ Россіи, гдѣ-бы въ витринахъ магазиновъ не красовалась индивидуалистическая литература. Произведенія и личности анархическихъ писателей стали предметомъ всеобщаго интереса и обсужденія.

Еще недавно на страницахъ газеты «Русское Слово» появился фельетонъ священника Петрова подъ заглавіемъ «Единственный», гдѣ авторъ трактуетъ о жизни и ученіи великаго философа М. Штирнера, при томъ съ такой точки зрѣнія, что невольно приходилось задумываться: не анархистъ-ли писалъ эти строки?

Но кромѣ литературы въ Россіи имѣется въ лицѣ г. А. Борового краснорѣчивый ораторъ— защитникъ индивидуалистическихъ идеаловъ.

Ему принадлежало весною 1906 года первое слово по этому вопросу. И надо было видѣть то впечатлѣніе, какое оставлялъ талантливый ораторъ, послѣ своихъ лекцій, чтобы понять насколько близко уму и сердцу русскаго человѣка индивидуалистическое міровоззрѣніе.

Остается выпустить хотя одну индивидуалистическую газету и тогда можно будетъ смѣло сказать, что Россія не только догнала, но во много разъ въ этомъ отношеніи опередила самыя цивилизованныя государства.

Успѣхъ индивидуалистической литературы въ Россіи имѣетъ своей причиной не только энергію и неустанную работу ея распространителей, но также и то отвращеніе ко всему условному и затхлому, ту глубину и жизненность, которыя являются необходимыми элементами ученія анархическаго индивидуализма. Каждый человѣкъ, прежде всего—человѣкъ, индивидъ, а уже потомъ онъ является членомъ той или другой выдуманной людьми, засасывающей и стирающей его личность, индивидуальность, организаціи: государства, какого-либо союза, семьи и пр..

И вотъ, когда онъ читаетъ проповѣдь чистаго индивидуализма, онъ видитъ всю лживость современнаго общественнаго строя, видитъ насколько въ этомъ строѣ, особенно-же при абсолютно-монархическомъ режимѣ, грубо попирается его личность, и духъ его возстаетъ, возмущается.

И въ самомъ дѣлѣ: быть совершенно свободнымъ отъ грязныхъ и цѣпкихъ когтей власть иму-

щихъ, отъ невѣжества и суевѣрія, другими словами отъ вѣры бога, отъ семейныхъ и другихъ узъ, накладываемыхъ всякой организаціей, словомъ стать свободнымъ индивидомъ,—развѣ это не истинное счастье, не конечная цѣль, къ которой стремится все человѣчество?

Осуществленіе этихъ идеаловъ ставитъ себѣ задачей анархическій индивидуализмъ.

Безъ нихъ, какъ безъ солнца, не возможны не только счастье, но даже жизнь *человѣка*.

О. Виконтъ.

Парижъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

«Борьба за власть» статья О. Викопта 5

«Атеизмъ» Стих. Д. Г. Макэя, пер. Н. Бронскаго . 17

«Свободная любовь». Стих. Д. Г. Макэя, пер. Бронскаго 18

«Отечество». Стих. Д. Г. Макэя, пер. Луча 19

«Отношеніе государства къ личности». Статья В. Тэкера, пер. Ч 23

«Чикаго». Стих. Д. Г. Макэя, пер. Гида 43

«Государственный соціализмъ и анархизмъ». Статья В. Тэкера, пер. Ч. 55

Стихотворенія Гида 85

«Успѣхъ пропаганды анархическаго индивидуализма въ Россіи». О. Викопта 88